

БЕЛОУШКО

повесть

Павел КРЕНЁВ

г. Москва

*Волк — не соперник и не враг человеку.
Он — наш собрат, с которым мы
призваны делить землю.*

(Л. Дэвид Мич)

*Волков считают свирепыми
созданиями, но редко кто задумывался о
том,
что волк всего лишь защищает то,
что ему дорого.*

(Неизвестный автор)

Это логово было для Волчицы за-пасным. Длинная яма, вырытая под нависшим над землёй толстым стволом ели, больше года пустовала. Она потеряла волчьи запахи, и лесные обитатели перестали опасаться этой чёрной дыры. Ночевали в ней, пережидали непогоду или просто прятались и ежи, и змеи, и зайцы. Беременная Волчица пришла сюда, к своему бывшему жилищу, и обнаружила там спящего косоного. Она учуяла его издали и подошла тихонько встреч¹ ветра. Под крапывающую весеннюю капель тот сладко спал, ничего не подозревая. Для опытной матёрой зверюги не стоило большого труда подкрасться и сцапать сонного зверька. Только и успел он издать судорожный короткий плач. Заяц был виноват сам: слишком глубоко залез в нору и не предусмотрел варианты отхода. В момент смертельной опасности у него оказался только один путь — в пасть Волчицы. И этот короткий последний в своей жизни путь он совершил.

Зайчишка попался кстати: волчья самка вот-вот должна была разродиться новым помётом, она остро нужда-

¹ Встречь (*диал.*) — навстречу.

лась в накоплении свежих сил, так необходимых для родов и многотрудных забот, чтобы поднять на крепкие лапы малышей.

Волчица не собиралась растить своих детёнышей именно на этом месте. У неё было другое логово, которое она считала более надёжным и безопасным. Самка пришла сюда, чтобы проверить, можно ли в случае опасности спрятать и здесь родившихся у неё щенков.

Она лежала на небольшом пологом пригорке, грызла пойманного зайца и разглядывала окружающий лес. Вокруг бушевала распахнувшаяся, разметающая повсюду молодую зелень весна. Вся природа источала острые запахи проснувшегося леса. Сквозь листву пробивались брызги солнечного света и падали на её глаза. Скалясь в звериной улыбке, Волчица шурилась и медленно, сосредоточенно, наслаждаясь ароматом свежего мяса, грызла зайца.

В недалёкой дали пел звонкие песни лесной ручей. Пошумливал в ёлочной хвое и в ветках склонившейся над ней берёзы бодрый ветерок. Разгуливал по лесу недавно начавшийся месяц май.

* * *

Через неделю, как раз в середине мая, народились детёныши — маленькие мохнатые комочки, еле ползающие, однотонные, почти чёрные волчата, пять штук. Они лежали разрозненно и попискивали. Мать Волчица тщательно вылизала их, каждого — по отдельности, потом сгребла в одну кучу — так её детям будет теплее — и улеглась на эту живую горку животом. Но не придавила их, а как бы прилегла сверху, согрела собой. Слепые волчата только и делали, что спали, а потом копошились под нею, расталкивали друг друга и жадно высасывали из неё молоко, звучно хоркая и чмокая, сильно дёргая и покусывая соски. Волчица терпела эту сладкую боль: так терпят все лесные матери.

Самец всё время был рядом с ней. Он с внимательной нежностью разглядывал своих детей. Когда щенки выползали из-под Волчицы, неумело, но старательно принимался вылизывать их спинки и животики. И Самец, и Волчица следили за тем, чтобы в логове сохранялась

чистота, и тщательно убирали шершавыми языками все лужицы и кучки, оставленные малышами. Это тоже обыкновенная повседневная забота родителей всего лесного звериного населения.

Потом Самец уходил на охоту и приносил Волчице свою добычу. Когда его долго не было, Самка голодала, но всегда терпеливо ждала возвращения. Она любила главу семейства, ведь и у волков, и у их близких родственников — собак тоже есть сильная привязанность друг к другу, которую люди называют любовью. Ясными и промозглыми весенними ночами она не спала, а с тоской слушала, как посвистывает ветер в верхушках деревьев, как далеко-далеко, в деревнях, в человеческих жилищах, твякают собаки — извечные враги волчьего племени.

Как и всегда, тревожил её страх.

Мало чего может бояться в лесу волчья самка. В этом родном для неё мире, мире природы, у неё мало врагов — разве только Медведь. Но он никогда не нападает первым. Как истинный полновластный хозяин леса, он добродушен и ленив. Зачем ему бегать за волками? Всё равно ведь не поймает. А если и произойдёт встреча лоб в лоб, любой волк, быстрый и хитрый, вцепится ему в морду и стальными челюстями с клыками прокусит её насквозь. Медведь знает это и никогда не ерепенится, не воюет с волками. Только если волки вдруг нападут на медвежат...

По-настоящему Волчица боялась только Охотника. Ей часто казалось, что это страшное безжалостное существо вот-вот прокрадётся сюда, к ней и к её детям, и начнёт выбрасывать смертоносный громopodobный огонь из толстой железной палки — все волки знают про неё. И детки превратятся в мёртвые неподвижные комочки...

Волчица ждала и ждала Самца, она прислушивалась к тревожному лесу, вглядывалась в дневную и ночную даль. Наконец под большой елью, той, под которую всегда нырял её муж, уходя на очередную охоту, шевельнулись лапы. Он вернулся!

Пришёл к ней и приволок добрую часть загрызенной им овцы. Впервые за долгий период Волчица наелась тёплого мяса. Самец ласкался

к ней, радостно лизал её морду, тёрся боком и шеей, тихонько поскуливал от нежности.

Через день он снова ушёл и больше уже не вернулся. Волчица со своим выводком осталась одна.

* * *

Из глубины густого можжевелевого кустарника Самец долго наблюдал за деревенским овечьим стадом, которое изо дня в день паслось на травостоях, раскинувшихся по пологому склону угора, лежащего вдоль озера.

Напасть на какую-нибудь отошедшую от стада овцу волк не решался, потому что невдалеке, на пригорке, постоянно посиживал пастух в грязной и помятой приплюснутой кепке. Тот всё посматривал вокруг, всё посматривал...

Когда пастух в первый раз отлучился от овечьего стада, волк не решился напасть. Было неясно, как скоро он вернётся. Вдруг это случится неожиданно, и пастух выставит вперёд железную палку, из неё выплеснется смертельный огонь, погубивший уже множество сородичей. Его долго не было, и овцы паслись одни. Но когда человек ушёл и на другой день, Самец смело прыгнул в стадо и быстро перегрыз горло крупному барану. Тот не смог убежать, потому что был среди овец, — толчеей они помешали ему.

Самец отволоч барана подальше от стада и отгрыз у него заднюю ногу вместе с частью холки. Тушу спрятал в кустах, а мясо унёс в логово к своей Самке.

Через день Самец вернулся. Прислушиваясь и принюхиваясь, прокрался к кустам, уловил плывущий к нему дух бараньего мяса и шагнул в тёмную сень нависших над землей веток.

В этот момент одновременно с громом выстрела в его тело впился заряд крупной картечи и убил его.

* * *

Деревенский мужик, опытный охотник Иван Печурин сидел на пригорке, курил сигарету. Ружьё лежало на коленях. Напротив, в трёх

шагах, лежал на земле убитый им волк. «Здоровенный какой! — размышлял промысловик. — Хорошо, ветер не подвёл: задувал куда надо, иначе не подошёл бы зверюга так близко».

Позавчера Печурина разыскал председатель сельсовета Шмыгин и сообщил новость: объявился волк, который нападает на деревенский скот. «Надо бы, Иванушко, кокнуть его, — попросил, — а то ведь повадится гад, овечек всех и загрызёт. Укорот надоть дать ему...»

Надо так надо. Печурин взял своего старого охотничьего пса, верного помощника Иртыша и пошёл к месту выпаса стада.

Он быстро определил место схрона волка, откуда тот напал на овец. Среди можжевелевых зарослей была примята травка, а в ней куочки линялой волчьей шерсти — явная лёжка. Здесь серый хищник отлеживался, отсюда наблюдал, отсюда и прыгнул... А вот след и от бараньей туши, которую волк тащил в кусты, вот кровавые дорожки. Собака сразу обнаружила и саму тушу, спрятанную в можжевелевой гуще, — без задней ноги.

Долго размышлять Печурину не пришлось: понятно, что волчара вернётся за своей добычей: ему ведь надо мясо в логово доставить к волчице своей и к выводку — у такого матёрого волка сейчас должно вырастать потомство. Конец мая — самое время! Щенки ещё слепые должны быть. Мать с ними. Вот он ради них и старался. Ради них и погиб.

Печурин докурил сигарету, вмял каблуком в подрастающую траву окурок, взгляделся в убитого волка, подумал: «Вот ты лежишь тут мертвяком, а детки твои резвятся сейчас с мамкой, тебя ждут. А ты и не придёшь к им больше... А они тебе и спасибо не скажут за это, твои детки. Забудут, да и всё».

Он всегда был маленько сентиментальным, хороший охотник Иван Печурин, и у самого была дочь, уехавшая в город и вспоминающая родителей, только лишь когда ей требовались денежки на новые наряды. А так обычно ни слуху от неё, ни духу. И от всех мыслей, связанных с этим, Печурину было грустно.

Но был Иван и простым деревенским мужиком, а значит, сугубым реалистом. Деньги — где их взять? И вот Печурин, глава семейства и

добротный охотник, приноровился добывать их охотничьим промыслом. Осенью — капканы на ондатру. Неплохой от них приработок. Зимой — капканы на куницу, тоже дело прибыльное. Иногда волка брал, сейчас вот тоже удалось. Волк — это дорогой трофей, очень неплохо оплачиваемый...

Печурин сидел и размышлял, что теперь надо будет срочно искать логово, где спрячутся волчата. А те в одной цене со взрослыми волками идут. Иван стал прикидывать, сколько же денег можно сорвать за выводок. Да если штук шесть-семь щенят? Считал-считал, сбился со счёта, но однозначно получалась хорошенькая сумма. Можно будет много чего приобрести и для дочки, и для хозяйства... Ему давно, например, надо поменять лодочный мотор «Вихрь»-«двадцатипятку» на чего-нибудь более свежее, современное. Например, на японскую «Тошибу» или же «Ямаху» — все их нахваливают. Эти марки не соврут. Марки так марки! Мужики, у кого такие моторы имеются, рассказывают: износу им нету. Завод — с полоборота. И тяга сильнее, и скорость. Ладные движухи!

Иван выкурил ещё сигарету и понял окончательно: надо искать логово, надо!

— Ну чего, Иртыш, пойдём с тобой копейку добывать? — спросил он у кобеля, снующего вокруг убитого волка, скалящегося на него и злобно взлаивающего.

А тот будто бы понял, даже башкой своей кобелиной кивнул, и пошли они в деревню за лошадкой да ещё за телегой.

В мае почва только-только оттаяла, ручейками ушла в озеро ровга — ледяная корка, всю зиму сковывавшая землю. И земля размякла, превратилась в сплошную жижу. Ни пройти по ней, ни проехать. Только лошадка с телегой и может прокандыбать. Убитый матёрый волк был тяжёл, одному человеку с ним не справиться. Лошадь будет в самый раз.

Под вечер этого же дня Иван привёз волка в деревню и бросил в амбар. Уже с позднего вечера амбарчик этот окружили собаки и всю ночь остервенело голосили. Из всех пазов, из дверных щелей на собак веяло смертельным их врагом, и они с лютой ненавистью заходились

в вое и лае, погрызли у амбара деревянные углы, не давали спать. Печурин дважды за ночь выскакивал на улицу с палкой, разгонял собачонок, только так и не разогнал.

Его всю ночь волновали мысли о новом моторе и о том, что надо снаряжаться и идти в лес искать логово.

* * *

Вокруг Волчицы ползали её дети — полуторанедельные волчата. Они были ещё слепы, совали мордочки во все отверстия в логове и уже начинали заигрывать друг с другом. Щенки искали материны соски, а вместе с молоком высасывали из неё силы.

Прошло четверо суток, но Самец не возвращался. Еда, которую он принёс несколько дней назад, кончилась. Волчица была голодна. Самец, такой близкий для неё, никогда не отлучался на столь долгое время. Где он, что с ним? Без его поддержки трудно будет поднять потомство, которое всё время хочет есть, которое надо будет воспитывать в строгости и выучке. Из волчат нужно вырастить умелых волков, умеющих охотиться и добывать себе пищу.

Повсюду тревожно шумел весенний лес. По ночам Волчице не спалось. Ей казалось, что из кустов, из-за деревьев выйдет кровавый и страшный Охотник с оскаленным ртом и с огнедышащей палкой и убьёт её беспомощных деточек.

Она тщательно принималась к запахам, наполняющим лес, прислушивалась к звукам. Не крадётся ли к логову охотник? Матери надо успеть спрятать волчат в укромном месте. Но днями задувал резвый ветер, раскачивал деревья и кусты, отчего лес был в движении. Разве можно что-то различить и почуять, когда всё шумит, колышется, а ветер развеивает запахи?

А в вечернюю и утреннюю зарю на всех окрестных болотах оглашенно орали влюблённые тетерева, и урчали они, и чужфыкали, и шумно дрались, стуча друг о друга крыльями. Сквозь этот лесной гомон не пробивались никакие другие звуки.

Волчица, голодная, встревоженная отсутстви-

ем верного и надёжного друга, сильно утомилась за эти дни. Она устала от ожидания и вынужденной неподвижности, от постоянного беспокойства за слепых ещё волчат. Кроме того, из-за голода уменьшилось количество материнского молока. Детенышам стало его не хватать, и они начали громко поскуливать, требуя еды.

Через несколько дней она почувяла, что силы совсем оставляют её. Очередным утром мать вылизала волчат, мордой сбила их в кучу и отправилась на охоту.

Она умело выслеживала длинноухих зверьков — зайцев. У них такое душистое мясо! Вот и сегодня, этим ранним утром, она скоро отыскала заячий след, уходящий на дневную лёжку. Волчица быстро разобралась в петлянии. Вот он прошёл по травянистой низинке, вот вернулся по своим же следам... А вот и смётка — резкий прыжок в сторону. Может, другой волк, молодой и неопытный, потерял бы здесь зайца — след-то оборвался. Но Волчица быстро отыскала то место, куда приземлился прыгнувший заяц. Теперь она знала: скоро будет сама лёжка, только обнаружить её надо заранее.

След шёл к густому вересковому кусту. Волчица догадалась: заяц там.

Осторожно, бесшумно ступая с подветренной стороны, она подкралась к кусту, подняла голову и замерла. Сейчас нужно подождать и разглядеть в толщине куста шевеление, любой намёк на присутствие там зайца. Нужно определить точку, в которой он находится.

Через несколько секунд она сделала прыжок. Заяц не успел даже шевельнуться.

Облизываясь, отфыркивая заячий пух, прилипший к пасти, Волчица вернулась в логово.

Время шло, тянулись новые дни. Её дети-волчата скоро уже начали открывать глаза, узнавать её воочию даже на расстоянии. Теперь они ковыляли на слабеньких ножках, поскуливая от радости, прямо к ней — своей матери. Это радовало Волчицу — любая мать рада, когда дети её развиваются и растут здоровыми. Скоро, совсем скоро будут отказываться от молока и станут требовать мяса, ведь они растут волками.

Но сытость не утолила тоску по Самцу, который так пока и не вернулся.

Ночью, когда её дети спали, посапывая, прижавшись мордочками к материнскому теплему животу, она смотрела на блеклые жёлтые звёзды, висящие на тёмном небе, подсвеченном упавшим за горизонт солнцем. Волчица не спала, тихо-тихо поскуливала, изнывая от изнуряющей непереносимой тоски. Над ней в ночном воздухе летали и позванивали лёгкими крылышками белые мотыльки, какие кружились над ней и её Самцом, когда он уходил на последнюю охоту.

Посреди ночи Волчица не выдержала. Она выбралась из логова, уселась на землю и, задрав голову к ночному небу, завывала, словно желая, чтобы лес разделил её печаль по Самцу. Ей хотелось, чтобы услышал её плач в дальних далах, в тех потаённых, скрытых от всех глаз чащобах её потерявшийся Самец, отец детей-волчат, самых красивых пушистых комочков, уже увидевших мир. Услышал бы, откликнулся и вернулся.

Она долго так плакала, но лес ничего не ответил ей.

* * *

Через пять дней Иван был готов к поиску волчьего логова. Он изготовил свежие патроны, оснащённые картечью и круглыми свинцовыми пулями. Таким он доверял больше, чем всяким там «жаканам» и прочей дребедени: круглая пуля летит, куда прицелишься, а цилиндрические формы вихляются в воздухе и постоянно мажут. Проверено! Снарядил полный патронташ: волчье логово не шутка! Все эти боеприпасы — для волчицы, потому как ясно, что по волчатам стрелять не придётся: с ними разберется собака...

Работа по логову — дело кропотливое и, как правило, долгое. Поэтому Иван положил в рюкзак запас еды, чайник, смену белья и запасные портянки — на случай, если придется ему промокнуть до нитки. Сейчас, по весне, шагать предстоит по разводьям, где воды по пояс, да и лес тоже мокрый, наверняка сапоги будут полные весенней воды, а вся одежда сырая.

Иртыш уже заждался у крылечка. Иван только нос высунул из входной двери, а кобель — поглядите на него! — уже волчком извивается перед ступенями, изнывает, вертит хвостом, словно колесом. Откуда собаки загодя понимают, что хозяин в лес собрался? Вечная загадка! Не показывал сборы, даже и слова не сказал про лес, про охоту — и вот тебе пожалуйста, кобелина давно ждёт. Бросился пёс к Ивану с объятьями да поцелуями.

— Ну, ты эт... погодь, погодь, — урезонивал его охотник, только без толку: собачьей радости не было предела.

У Печурина имелся какой-никакой опыт поиска волчьих жилищ. Основных примет в таком деле было несколько: логовища всегда располагаются около проточной воды — ручья или речки. В проточной воде меньше, чем в застойном озере, всякой заразы. Волки сильно пекутся о том, чтобы животики их потомства были здоровенькими. Второе: волки устраивают свои обиталища на небольших возвышенностях в скрытых от постороннего глаза, сухих, как правило, песчаных местах среди лесных завалов, в холмистой или овражистой местности. Все это от заботы о потомстве: волчата должны вырастать в чистоте и безопасности.

Иван Печурин знал все эти тонкости. Он долго глядел на карту и соображал, где же спрятано волчье логово. Перебрал в памяти километров двадцать квадратных, пока не выбрал наиболее подходящую территорию. Самое главное, что она располагалась не очень далеко от того места, где он подстрелил волка. Тот не стал бы отходить от своей волчицы и волчат на большое расстояние.

Сидя по вечерам за столом, Печурин мычал, изучая замызганную, затёртую в рюкзаках походную карту, водил по ней пальцем, пока всё не сошлось. Вот тут, рядом с Оксеньиным ручьём, видал он песчаные пригорки. Места глухие, мало кто туда заглядывает — просто незачем. Ни пожень там нету сенокосных, ни рыбы в ручье, ни грибов тоже толком не водится, ни ягод. Вот люди туда и не ходят.

В те места он и отправился сейчас с собакой со своей, с Иртышом. Пошли они вдоль

ручья, вверх по течению. Начали путь прямо от озера, в которое ручей впадает. По левую сторону потихоньку тянулись бугристые места, поросшие толстым сосняком и ельником. Где-то в их глубине, в самом их чреве, волки скорее всего и построили логово. Справа ширились берёзовые да ольховые урочища, по земле стелился корёжистый, кустарниковый можжевельный стланник вперемешку с ивняковыми подрадьями.

Иван с собакой шли по левой стороне. Задача у них была одна: обнаружить подходы волков к ручью. Ясно ведь, что любая живность пьёт воду. И волкам в логове как без воды? Раз два-три в сутки должны они наведываться к водопою. Особенно волчица, у которой щенки ежедневно высасывают много молока. Молоко-то оно и есть вода.

Волка-самца нет, его Иван оприходовал недавно. Ну, значит, одна волчица логово стережёт. Она одна и ходить на водопой должна. И должен быть её след к водопою и обратно...

А уж, когда найдётся он, будет просто. Следочки эти сами приведут к волчьему дому. Для этого взят на охоту Иртыш.

Около трёх километров двигались они вверх по течению, углублялись в лес. Кобель был взят на длинный ремешок и вышагивал впереди, принюхиваясь ко множеству запахов, бьющих в его ноздри, шныряя по сторонам. Иван пристегнул его на поводок, чтобы Иртыш не бросился за каким-нибудь случайным зайцем, вылетевшей птицей и не удрал в лес, — не испортил бы охоту. Или — не приведи боже! — почует собака волчицу, рванёт к ней. А та в бирюльки играть не будет — живо загрызок перекусит. Ни одна собака волка одолеть не сможет. Секунд пять — и всё! Нет собачки.

Наконец Иртыш резко уткнул морду в траву, шумно задышал, дёрнулся сначала к воде, зарутился на одном месте, а потом потянул Ивана в сторону от ручья — в лес. Охотник разглядел: собака вышагивает по волчьей тропе. Тут волчица ходит на водопой.

* * *

Волчица издалека почуяла человека. Рядом с ним была собака — древняя предательница их рода, давным-давно перешедшая на верную службу лютому врагу всей лесной живности — двуногому существу, убивающему волков при помощи железной палки. Теперь ветер принёс волчице запахи этих двух извечных смертельных ненавистников волчьего рода — собаки и человека. К ним примешивался и запах страшного оружия — этой самой огнедышащей палки.

Судя по приближающимся запахам, враги подбирались к Волчице и её детям! Она осознала: надо очень быстро спасать детей. Охотник застал её врасплох. Мать схватила за загривок первого попавшегося, самого близкого к ней детёныша, у которого с рождения одно ухо было белым, и побежала в сторону запасного логова. Добежав до ручья, Волчица оставила его здесь, иначе не успеет унести из опасного места остальных. Она спрятала белоухого внутрь смородинового куста и вернулась к логову.

Опоздала. Из укрытия углядела страшную картину — с того мгновения увиденное тяжёлым камнем лежало на сердце всю её оставшуюся короткую жизнь.

Собака находила в траве и под деревьями спрятавшихся детей и по очереди, одного за другим, прокусывала им спинки. Хватала пастью поперёк тельца и сжимала челюсти. Косточки у волчат, рождённых и вскормленных Волчицей, хрустели. Детки её коротко жалобно взвизгивали и умолкали. Собака умертвила всех. Теперь волчата лежали на траве безжизненные, неподвижные.

Враг разгуливал перед Волчицей — смертельно ненавидимое существо. Собаку следовало разорвать, распороть когтями и зубами ей брюхо, изгрызть её морду.

Охотник подошёл к собаке, держа в руке наизготовку железную палку. Он снял с плеча мешок и, переходя от одного лежащего в траве волчонка к другому, поднимал и складывал в него ещё тёплые тельца. Волчица не могла напасть на человека — он бы сразу убил её из

страшной палки. Тогда погиб бы последний оставшийся в живых детёныш.

Из глаз Волчицы вытекали слёзы. Неслышно ползком она повернулась на обратный путь. Пригибаясь, добралась до места за деревьями, где можно было подняться на все лапы и стремглав добежала до ручья, до того места, где был спрятан её последний сыночек — единственный оставшийся в живых. Мать снова мягко прикусила шёрстку на его загривке и понесла через ручей.

Волчьи повадки сродни человеческим, когда волк уходит от погони. Она довольно долго брела по дну ручья вверх по течению. Знала: если просто пересечь ручей, то собака быстро отыщет её след на другой стороне. Поэтому она вышла на противоположный берег не сразу, а за двумя излучинами, и направилась к запасному логову.

Там она залегла в нору под толстым комлем старой давно упавшей ели и, вылизывая шёрстку оставшегося в живых детёныша, чуткими ушами слышала, как на другой стороне текущего в дальней низине ручья шуршала в траве и фыркала бесполезно ищущая её собака и омерзительно булькающими звуками что-то ей приказывал смертельный враг всех волков — Охотник.

* * *

Проклёвывались над горизонтом очередные рассветы и затем полыхали кроваво-красными, розовыми пожарами над утренней землёй. Медленно выползал из-за горизонта большой пылающий шар, разносил вокруг тепло, согревал остывшую за ночь землю и деревню, пробуждал спящих людей. Дни сменялись днями.

А белоухий детёныш волчицы подрастал и скоро уже крепко стоял на лапах. Мать-волчица начала кормить его свежим мясом. Для него она выследила и убила почти всех зайцев в округе, разорила многие утиные гнезда на соседнем озере, что просвечивало своей тускловатой водой сквозь лапinya елок и сосен, растущих вокруг логова. Приносила в пасти це-

лые яйца, осторожно держа их на мягком языке, аккуратно клала их на землю перед мордочкой сына. Тот бережно захватывал маленькими зубками яйцо, запрокидывал голову и, щурясь от удовольствия, прижимал его языком к нёбу. Скорлупа трескалась, нежная пахучая мякоть заполняла пасть.

Сытый волчонок носился по утрамбованному матерью песку, азартно взлаивая, догонял свой хвост, воевал с хвостом матери — дергал его и кусал. Она терпела.

Волчонок подрастал. А мать страдала от того, что с ним не играют погибшие её дети.

Однажды Волчица ласково вылизала шёрстку сына, подняла зубами за загривок и уложила в нору под комель дерева. Своей мордой как бы слегка прижала его там и сказала ему:

— Будь послушным, сынок, лежи здесь тихо и жди меня.

И белоухий волчонок лежал в этом укрытии — лежал долго.

* * *

Волчица пошла в сторону деревни. Она не могла не пойти — там жила эта мерзкая человеческая служанка — собака, погубившая её детенышей. Волчица была обязана загрызть её тоже. Таков закон: враг волчьего рода должен быть убит, иначе он придёт снова и убьёт тебя самого.

Перед деревней, прячась в поросли опушек, в лесных выступах, Волчица обошла деревню стороной, вышла на околицу — так, чтобы ветер задувал от домов к ней. Она легла на пригорок прямо перед жилищами людей в прилесном кустарнике, в невысокой траве. Положив голову на лежащий поперёк неё толстый сук, прижавшись всем телом к земле, как всегда в момент охоты, Волчица слилась с лесом. Она всматривалась в деревенские дома, ловила плывущие к ней запахи, была невидимой и неслышимой для всех, кто обитал в них, кто проходил по улицам и проулкам.

Волчица вышла на охоту.

Не на Человека она охотилась — знала: ей никогда не победить его. Этот противник умнее,

хитрее и опаснее всех волчьих врагов. Кроме того, ей нельзя быть побежденной, потому что в лесу её ждет детёныш, который погибнет без матери. Она была оскорблена вероломством и наглостью этой людской рабыни — собаки, живущей здесь, в этих человеческих жилищах, и убившей волчат. Её надо было отыскать сегодня и растерзать.

Лежала Волчица долго, выследила, в каких домах скрываются собаки. Все они лают по-своему. Волчица хорошо знала это, потому что волки сами умеют не только выть, но и лаять, и у каждого свой голос. В лесу, на огромных его просторах обитали многие волчьи стаи, но для Волчицы не было секретом, кто где живёт: самец или самка, друг или враг. Достаточно было посидеть в тишине у логова и послушать лес. Вот и сейчас без большого труда она определила, в каких домах живут собаки, кобели они или суки, где собака молодая, а где — старая.

Но все они не нужны были сейчас Волчице. Ей требовался лишь тот старый кобель, который приходил в её логово вместе со своим хозяином. Это был кобель, без сомнений: собачьи кобели и суки, как и волчьи, пахнут по-особенному, их нельзя спутать. Тот кобель оставил свой острый паховый запах около её жилища. Он запомнился Волчице, хорошо запомнился! Не сразу встречные порывы лёгкого ветра, гонимые из деревни, принесли нужный запах. Волчица лежала и волновалась, ей необходимо было — смертельно необходимо! — перегрызть горло ненавистному врагу.

Солнце уже спряталось за деревьями, густой стеной опоясавшими дома с закатной стороны. Там, куда оно ушло, во всю небесную ширь растеклась по небесам красно-жёлтая и сиреневая краска, схожая с полыханием лесного пожара. Волчица всегда побаивалась такого неба. Ей казалось, что огненный шар, уткнувшийся в лес, зажёт деревья и огонь придет к ней, к её логову, погубит её саму и детей.

Но в этот момент она думала о другом. Ей нужен был только тот старый кобель. Мысли о нём подавляли всё остальное. Волчица ждала его, ждала.

Лаяли в деревне собаки. Вполне умиротво-

ренно переговаривались люди. Посвистывал в проулках вечерний ветерок. Над деревней висел лёгкий гул неспешной жизни. Всё потихоньку умолкало. Волчица знала: так всегда бывает, когда люди уходят спать.

Наконец деревня окончательно уснула, и она потеряла надежду. Может быть, и нет того кобеля в этой деревне? И тут справа от Волчицы в крайних деревенских домах хлопнула какая-то дверь и послышался дробный топот по настилу крыльца, по ступенькам выбегающей на улицу собаки. И сразу же звонкий лай. Выскочившая из дома на улицу собака всегда громко лает. Она даёт округе знать: это я появилась! Собственной персоной! Всех попрошу поджать хвосты и помалкивать! Таковы нравы у этих собачьих коротышек.

Было понятно, что собака долго, целый вечер, сидела в доме взаперти и теперь вырвалась на свободу в неурочный ночной час.

Волчица сразу узнала голос кобеля, причинившего ей столько горя. Ветерок принёс и тот самый кобелиный дух, который она запомнила как самый омерзительный запах собаки, встречавшийся ей в жизни. Она не смогла бы перепутать его ни с каким другим. Это был запах убийцы её детей!

Волчица поднялась с земли и пошла. Крадучись, протянувшись вдоль деревни, по опушкам, маленьким балкам, через неширокие ручьи, укрываясь среди кустарников и тонких осин. Поднялась на ноги напротив крайних домов, из которых только что доносился лай того пса. Стоял вполне просвеченный вечер середины лета, но собак около домов не было видно. Обзору мешал забор, изготовленный из жердей, воткнутых в землю, и расположенный над землей наискосок. Его надо было преодолеть. Волчица нашла проём и не без труда проползла на другую сторону забора. Опять прикинула к земле, слилась с травой и серым бурьяном, замерла, потихоньку двигая головой, огляделась.

Как раз в это время из среднего дома, что стоял напротив, донёсся грубый шорох. Ей стало понятно, откуда он идёт — из чёрной горловины лаза, идущего под дом. Оттуда показалась голова крупной собаки. Волчица узнала её сразу! Вероятно, он улёгся уже на ночлег, но

ему, скоротавшему несколько дневных часов в теплом хозяйском доме, не спалось сейчас. Пёс решил размяться в вечерней привольной прохладе.

Это был тот самый кобель, который расправился с её волчатами. Она знала, что делать!

Волчица, распластанная на земле среди дворовой травы, была невидима. Глядя прямо на кобеля, она лежала и ждала удобной секунды, чтобы напасть. А тот, ничего не подозревая, начал подпрыгивать, потягиваться, разминая кости и мышцы после долгой отлёжки рядом с диваном хозяина. Пёс огляделся, чтобы кого-нибудь увидеть и облаять в угоду человеку, но никого не было рядом. И вот глаза его встретились с глазами Волчицы. Та внимательно смотрела на него холодным взглядом убийцы, разглядывающего свою жертву, перед тем как её казнить.

Залаять Иртыш не успел. Волчица сделала только два прыжка, на которые затратила лишь пару секунд. Волки быстро настигают тех, кого решили убить. Единственно, что успел кобель сделать — нырнуть под дом в обычный свой лаз, но Волчица схватила его за заднюю лапу, выдернула в мгновение ока и выбросила наружу. Тут же немедленно схватила кобеля поперек морды, развернула его тело лапами кверху и вцепилась в горло. Ей хватило нескольких мгновений, чтобы вырвать гортань своего смертельного врага.

Потом Волчица схватила уже мёртвую собаку за ухо и подтащила к крыльцу. Оставляя на ступеньках густые кровавые полосы, проволокла наверх, положила собачий труп на верхнюю площадку, перед самой дверью. Это для того, чтобы хозяин увидел, что стало с его собакой, которая убила её волчат.

Когда Волчица уже ночью вернулась к логову, белоухий малыш встретил мать с радостным визгом, бросился к ней ласкаться. Затем припал к соскам.

В эту ночь Волчица в первый раз за много дней крепко уснула. Она сделала дело, которое обязана была совершить волчья мать.

* * *

Иван Печурин просыпался рано. Привычка эта с самого детства. Батяка его, покойный Федот Михалыч, так учил сына: «Раньше глаза протрёшь — больше сделаешь!» Так оно и есть. Вот сегодня надо сетки браконьерские потрясти, а это означает, что на лодке надо на три километра вдоль берега скатать. Там, в укромном местечке между двух каменистых бакланов, сетки заныканы. Три промёта. Сети натодельны — «тридцатки», «сороковки» да «шестидесятки» — все проверенные, как говорится, в боях, все уловистые, крепкие, «морские». И выставлены как надо: на глубинках, в лудистых проливинах. Уловистое место! Два дня уж как заметаны сетки. Надо ехать прямо с утра, а то — не дай-то бог! — капшаки, эти маленькие бандиты-креветки, налетят тучей и попортят всю рыбу. Если сеть с пойманной сёмгой сутки пробудет в воде непроверенная, считай, не увидишь её, один скелет и вытянешь. Да ещё рюжа стоит на навагу напротив дома, потрясти надо, рыбку вынуть. Водорослей наверняка набилу немало, вытрясти их из кута следует. После шторма нанесло.

Доски опять же на повети лежат, для замены крыши на амбаре приготовлены. Обстругать тоже надо, боковинки снять, чтобы народ на смех хозяина не поднял.

Многодельно всё, а рук не хватает. Так и идёт день за днём.

Он поднялся на кровати, сел на краешек, глянул в окошки. Там, на море, шерстил, разбрасывал синюю рябь упругий ветер-побережник, как всегда шустрый, но дельный, рыбный ветерок.

Жена его, Антонида, тоже запросьпалась, заворочалась, сбросила с груди одеяло. Спросила:

- Чего, Ваня, вставать будешь али как?
- Угу.
- А чево ты в таку рань? Спал бы ишшо да спал.
- Нельзя мне, делов много...

Сходил в уборную, сполоснул физиономию, положил в рот и вяло сжевал парочку ломтиков вчерашних недоеденных за ужином жареных

сижков, хлебнул холодного, тоже вчерашнего чайку, накинул на плечи брезентовую, до крайности замызганную, но всё же любимую и удобную куртку. И наконец вышел на крыльцо.

Увиденное поразило его.

Потрясённый, растерянный, он почуял слабость. Ноги его подкосились, ладони поползли вдоль стены, Иван тяжело плюхнулся на крылечную ступеньку. Его Иртыш, донельзя изученный, а теперь вот просто дохлый пёс с вывалившимся наружу языком, с растрёпанной всклокоченной шерстью лежал перед ним. Иван, ошеломлённый, плохо чего соображая, глядел в пустоту. Постепенно к нему стала возвращаться невероятно тяжёлая реальность.

«Кто это сделал? Зачем?»

В голову не приходило ничего путного. Тупо глядя перед собой, он стал звать жену. От потрясения громкость в голосе появилась не сразу, и жена какое-то время его не слышала.

— Тоня-я! Тонюшка-а-а!

— Чево ты там, чево? — наконец отозвалась она, видно уже на повети.

— Подь-ко сюды, подь-ко.

И вот всю деревню просквозил резкий истошный женский крик. Антонида стояла у распахнутой входной двери и кричала что есть моченьки.

Иван с трудом поднялся на скрюченных ногах и кое-как завёл жену в дом.

— Давай-ко не удивляй людей, — сказал он ей.

Они сидели рядышком на кухонной деревянной лавке, уже немного остепенённые, отдышавшиеся и размышляли:

— Кака-така сволота собаку нашу затряхнула? Вроде не вредил он народу особо... — ломал голову Печурин. — Не кусал людей за ноги... — И ещё его брало сомнение: — Не собаки ли его так покусали, шта помер он? Можя, поперёк где стал? Кобелино — дело тако... Вишь, горло вырвано...

А жена его думала-думала и придумала:

— Ну-ко, Ванья, давай-ко с другой стороны на дело ето поглядим.

— С какой такой?

Она нахмурила лоб, отчего во всю ширину его обозначились толстые складки, поглядела на мужа задумчиво:

– Ты волчонков-то сдавал недавно... Где ты их взял?

– Как это где? В лесу, на логови.

– Дак мамашка-та у их была аль нет? Как думаешь? Ты ведь с Иртышом и ходил на логово на то.

Иван понял, к чему клонит жена, но ему страсть как не хотелось развивать разговор в этом направлении. Всё же спросил:

– Думаешь, она?

Антонида ответила решительно, как о само собой разумеющемся:

– А кто ише? Она и есь – волчица!

Глаза её стали жёсткими и злыми:

– Я бы и сама, ежели кто моих деточек обидел бы... Она приходила, мамашка, Иртыша и наказала... Отомстила...

Это был совершенно новый поворот дела. Новый и очевидно, что верный, суровый и беспощадный. Который, скорее всего, будет иметь продолжение. Осознавать это ни Ивану, ни Антониде не хотелось...

– Во как! – оглушённо и тихо проговорил Печурин.

А жена его сидела на краешке лавки, и было заметно, что колени её, обнятые цветастым сарафаном, мелко вздрагивали.

– Хорошо, в дом не забралась, окаянная. Нас бы с тобой тоже затряхнула. У ей станичче.

– Эт мы бы ишшо глянули, у мня вон дробовка в коридорчике висит, – огрызнулся Иван, впрочем, для порядка – хозяин все же. – Стретил бы как положено.

– Стре-етил бы! Пока за пукалкой своей бежал, она бы у тебя все места пооткусывала. И меня бы хватанула за загривок, заразина.

Иван бросил бесполезное дело – ругань с женой. Разве переспоришь бабу?! Он взял лопату и пошёл на морской берег копать яму. Надо похоронить верного кобеля.

Потом, когда закапывал Иртыша, всё думал: «Надо бы прикончить мамашу, а то ведь не отвяжется она, в лес теперь не зайдёшь...»

* * *

Лето шло к закату. Стало больше холодных утренников, когда лесная сырость с самой рани лежала между деревьями нетронутая и лишь к полудню растворялась в прозрачности воздуха.

В лесу рдел август – месяц лесных урожаев. Днями лес звенел от криков грибников и ягольников, перекликающихся друг с другом, от трубных звуков журавлей и гусей, жирующих перед перелётом в тёплые места на просторах болот и полей, от выстрелов охотников, справляющих свою страсть среди глухариных, тетеревиных и рябчиковых выводков.

Волчье логово было в стороне от этого шума, но всё же громкие звуки изрядно тревожили волчицу. Она не любила, когда в лесу похаживает много людей. Это были враждебные звуки для неё и для сына, как и для всех других волков.

Белоухий подрастал, и его надо было готовить для взрослой самостоятельной жизни. А сейчас, четырехмесячный, он уже без прежнего волнения переносил иногда долгое отсутствие матери, уходившей в лес за добычей. Волчонок вскоре и сам испытал новые интересные ощущения, которые говорили о его взрослении. Ему самому стала нравиться охота.

Однажды поймал мышь, случайно пробежавшую мимо. Он стиснул её зубами, прикусил тело и вдруг осознал, что у него в пасти оказалось мясо. Он разжевал его, похрустел мышинными косточками и проглотил. Мясо оказалось вкусным, и ему это понравилось. Оказалось, что вовсе не обязательно дожидаться матери, чтобы поесть того, что она приносит ему с охоты. Можно и самому добывать себе еду.

Белоухий начал самостоятельно ловить мышей, которые обитали вокруг логова. Сначала просто гонялся за теми, которые изредка бежали в непосредственной от него близости. Почти никогда не догонял, мышки быстренько убегали и прятались в маленьких норках, в которые не влезала даже мордочка крохотного волчонка. Он злился, по-детски рычал и начинал лапками раскапывать, расширять крохотные дырочки, в которых спряталась мышь. Так и не поймал ни одной.

Чуть позднее волчонок сообразил, что мышей лучше всего искать в корнях кустарников — там они живут, там и прячутся. Он принялся подкапывать кусты ольхи и малины, растущие вокруг логова. Рыл под кустом, докапывался до корней и высматривал, откуда начнут выскакать мелкие вкусные зверьки. Когда они выпрыгивали из боковых норок и убегали, белоухий волчонок научился догонять их и мгновенно съедать. Мать приходила и приносила еду, но сынок её был теперь не особенно-то и голоден: он сам добывал себе пищу.

Мать-волчица осознала, что её детёныш почти уже готов для натаски на серьёзную дичь, и стала брать его на охоту, если та была недалеко от логова и вполне лёгкая.

Было у неё два местечка, где она засекала спрятавшихся зайчат. Не съела их сразу, а приметил для натаски своего сына на дичь. То, что они не уйдут далеко от своих укрытий, она знала: зайчата прячутся всегда в тех местах, где их оставила мать, а кормят их своим молоком, как правило, не только матери, но и пробегающие случайные зайчихи. Потому-то зайчата сидят в траве крепко и всего боятся, пока не вырастут и не станут самостоятельными.

А эти заячьи дети, которых обнаружила Волчица, пока всего лишь малыши, им ещё рано покидать свои укрытия. Она придёт к ним со своим сыном, когда это ей будет нужно...

Волчица привела белоухого сыночка к одному из зайчат, спрятавшемуся в густых зарослях метляка у подножия небольшого пригорка. То, что зайчонок до сих пор сидит там, Волчица определила сразу, разглядев его торчащие ушки среди невысокой травы.

Сейчас она показала сыну, что впереди находится дичь. Для этого стала подходить к зайчишке осторожно, показав, что подкрадывается к кому-то, сделала потяжку. Потом пошла крадучись, на полусогнутых лапах. Шла и поглядывала на сына, побуждая его делать то же самое. Волчонок её понял и тоже начал неумело, но старательно красться, шагая следом. Шагов за десять до зайчонка Волчица легла на траву. Сын её тоже залёг и, видно, что волнуясь, повторял движения матери. Потом Волчица осторожно подошла к белоухому и своей мордой слегка

прижала его к земле, как бы побуждая лежать на месте и не двигаться. Сын её понял.

Опять же крадучись, мать обошла зайчонка стороной и, когда между ним и её сыном образовалась прямая линия, поднялась на четыре лапы и открыто пошла на маленького зайца.

Тот какое-то время боялся убежать со своей привычной лёжки, хотя уже видел приближающуюся страшную опасность. Зайчат очень трудно выгнать из укрытия: любое заметное движение может быть смертельным для них. Но волк был совсем близко, зайчонок не выдержал и бросился от него наутёк, запрыгал на тоненьких своих, слабеньких ножках. Он побежал прямо на волчонка с белым ухом, побежал от огромной и страшной Волчицы.

Та, конечно, в два прыжка догнала бы зайчишку, если бы неправильно среагировал её сын: промахнулся или же не сообразил, что следует делать в таких случаях. Но волчий сын всё правильно сделал. В совсем ещё малом возрасте он был уже настоящим представителем волчьей породы. Мать-природа подсказала ему, как надо действовать.

Волчонок преградил дорогу зайчонку и всей мощью маленького тельца прыгнул на него, сбил с ног. У зайчонка тоже были зубы, причём острые, а ещё сильные лапы. К тому же и белоухий был едва ли намного крупнее этого маленького зайца, но он был волчьей хищной породы, потому победил.

Волчий сын схватил соперника за шею и всей силой маленьких челюстей сдавил её, прокусил. Кашляя попадающей в пасть кровью, сжимал челюсти всё крепче и крепче. Зайчонок затих.

Белоухий сын волков стоял над ним, оскалив зубки, в яростном азарте схватки порывисто и шумно дышал.

Мать подошла и, продолжая волчью натаску, сделала движение к убитому зайчонку, как бы намереваясь отнять у сына добычу. Тот в азарте злобно зарычал на Волчицу и прыгнул в её сторону с оскалом. Та отступила и покорно опустила голову. Она показала сыну, что он прав и ему надо будет всегда уметь защищаться, никому не отдавать свою добычу.

Мать была довольна сегодняшним уроком,

довольна и сыночком, успешно сдавшим первый экзамен на право быть полноценным волком. Она убедилась, что из волчонка с белым ухом вырастает исправный волк.

* * *

Дни бежали за днями, а Иван Печурин, опытный рыбак и охотник, не мог никак придумать, как же ему справиться с проклятой волчицей. Как добыть её?

Время от времени то из одной, то из другой деревни приходили слухи: там волками загрызена овца, там — телёнок. Была ли это та самая его знакомка или же нет — определить было трудно. А значит, устраивать в тех местах охоту с привадой или же облавную было и трудоёмко, и бесполезно. Ему нужна была только она — его волчица. Очень уж хотелось Ивану отомстить за загрызенного ею верного и надёжного кобеля Иртыша. Это был вопрос его охотничьей чести.

Печурин давно уже, с самого, считай, детства, изучил и использовал на практике различные приёмы добычи волков. Издревле люди придумали несколько способов. Самый простой — выследить зверя на тропе, по которой тот выходит на охоту. Эти пути всегда одни и те же. Охотник просто устраивает засаду около тропы и ждёт. Второй способ — «с подхода»: охотник подкрадывается к волку, которого увидел в лесу или на поле. Третий способ — охота на приваде: в местах, где водятся волки, кладётся мясо (часть туши подошедшей коровы или лошади), промысловики прячутся поодаль и ждут подхода волков. Способ четвёртый — охота с флажками: место волчьей лёжки обносится шнуром с закрепленными на нём красными флажками, через которые серые хищники боятся перепрыгнуть. Пятый способ — облава: загонщики идут и гонят спрятавшихся в лесу волков на «номера» — выставленных в ряд стрелков. Шестой способ — отравленное мясо, седьмой — охота с самолётов и вертолётов.

Иван перебрал все эти варианты и понял: ни один способ не подходит. Ни самолётов, ни вертолётов у него не имеется, а все остальные

не гарантируют встречу именно с той волчицей. Другие волки ему были не нужны.

Однако была ещё охота с капканами, очень тщательная, умная, и не каждому она под силу, но если все правильно сделать, то и результативная. К Ивановой досаде, не было у него подходящего для волков шестого капканьего номера. Те, что оставались в хозяйстве, все мелкие — на куницу да на ондатру, — скобы у них слабые. Они не удержат мощного сильного зверя. И ни у кого в деревне такого скорее всего нет. Надо ехать в Архангельск, прошерстить там охотничьи магазины и охотхозяйства. Но у Печурина пока что не было на это времени.

Иван одно время предпочитал отраву. Разбрасывал за деревней на волчьих подходах отравленные куски мяса. Затем с собакой искал забившихся в лесные дебри дохлых волков. Но получил страшную ругань односельчан. От отравленного мяса сдохли почти все деревенские собаки. Они ведь тоже любили свежее мясо. А хороший промысловик Пашка Маревьянин, у которого от этого погибла самолучшая лайка Норка, чуть не убил Печурина: пришёл к нему домой и стал махать громадными кулачками, крепко повредил Ивану физиономию.

С тех пор Печурин забросил всякие там яды и зауважал охоту на приваде. Волк всегда к ней приходит. Надо только поймать этот момент. Он убил уже четверых...

Теперь таким же образом он пытался добыть и ту волчицу. В местах, где она обитает — а Иван знал эти места — он устраивал засидки. Вёл там себя всегда крайне осторожно. Но хитрая Волчица не появлялась

Он слышал её, когда сидел и ждал. Сквозь лесные шумы различал её подходы, плавные, осторожные. Доносились до него еле слышимые посвисты втягиваемого носом воздуха — Волчица изучала обстановку. Тихий звук её мягких лап, едва различимо шуршащий в траве, долетал к нему с разных сторон. Но она никогда не подходила к приваде, всегда уходила и вновь растворялась в лесу. Что-то не нравилось ей.

* * *

В лесной глуши, в логове, укрытом под стволом упавшей старой толстой ели, вместе с единственным своим волчонком прячется от людей матёрая Волчица. Здесь нет её погибшего от людей Самца и загрызенных собакой детей. Без них Волчице грустно.

По ночам, когда, прижавшись к ней, посапывает её единственный детёныш, она долго не может уснуть. Перед закрытыми глазами её многократно и многоцветно появляется умильная морда нежно любящего самца её — Волка. Он нежно вылизывает ей лапы, щёки, лоб... Мелькают перед ней деточки, шустрые и ловкие, которые должны были стать волками, но не стали.

Всё возвращаются ей в память страшные картины, когда собака перегрызает спинки детей. В эти минуты из глаз Волчицы текут слёзы. Она не понимает причины немилосердной древней вражды человека к волкам, но прекрасно знает, что ненавистное отношение волков к людям основано только на их непонятном постоянном стремлении уничтожить её соплеменников. Встреча волка с человеком, у которого в руках имеется палка, несёт смерть. Эта давняя война привела к почти поголовной гибели всех волков, которых Самка знала.

Она беспокоится, что тот охотник, который пришёл тогда с собакой, погубившей волчат, опять подбирается к ней и к её детёнышу. То и дело Волчица обнаруживает в округе его следы. Этот запах она теперь хорошо знает — отвратительный, пахнувший смертью.

В лесу, недалеко от логова, ей встретился аромат лошадиного мяса. Она не пошла к нему сразу: понимала, это может быть очередной охотничьей уловкой. Уже много раз в своей жизни встречала она опасные хитрости людей. Волчица сделала длинный круг вокруг источника запаха и в самом деле обнаружила входной человеческий след в этот круг. Запах был тот самый! Если бы она подошла к приманке, Охотник убил бы её.

Волчице захотелось убежать от этого опасного места, но любопытство взяло верх над осторожностью. Ей захотелось посмотреть, как

он выглядит, её враг. Насколько он силен и опасен вблизи? Как он пахнет, когда совсем рядом? И Волчица пошла по следам к нему — к человеку, вооруженному смертоносной железной палкой.

Она нашла его по приближающемуся душному запаху — источнику тошнотворной, омерзительной вони, исходящей от потной человеческой плоти. Как же ненавистен для неё был этот дух, много раз улавливаемый в лесу чутким звериным носом. Именно такой запах оставил тот, кто пришёл к её логову с собакой. Это был он!

Человек сидел на бугорке, спрятавшись со стороны мясной приманки, но совершенно открытый для Волчицы, подкравшейся сзади. Железная палка лежала у него на коленях. Он ждал её! Волчица это знала. Человек пришёл отомстить за собаку, которую она убила.

Волчица лежала в траве и глядела на человеческий заговор. Он был голый сейчас, ничем от неё не защищенный, покрытый лишь редкими тёмными волосами. Волчице понадобилось бы три прыжка, чтобы вцепиться зубами в эту шею, плоть, наполненную кровью. Ей бы ничего не стоило мгновенно изорвать её клыками и убить человеческое существо, принёсшее ей столь много горя!

Самка с трудом сдержалась, чтобы не прыгнуть. Её остановил лишь страх за своего белоухого волчонка. Человек может неожиданно оглянуться назад и убить её из железной палки, тогда сынок её тоже погибнет без матери. И Волчица ушла.

* * *

В город за капканами шестого номера Ивану Печурину некогда было съездить: то сёмухья путина, то горбуша шла, то сенца надо было заготовить на зиму домашней козе Берёзке. Летние месяцы всегда многодельный сезон.

Сейчас стоит сентябрь. Лето с его хлопотами запроходило, но обрушились на Ивана заботы заготовительные. Как ни крути, а грибки-ягодки в кадушках-палагушках должны быть припасены. На всё на это уходило время,

и поездка в город опять оттягивалась. Жена Антонида понимала это и временно ворчанья свои прекратила.

Но тут на семью свалилась новая напасть, которая сломала планы, и жизнь поневоле побежала по-новому неожиданному направлению.

Козу Берёзку задрал волк.

Бедная, чрезвычайно мирная, сугубо домашняя эта животинка, исправно снабжавшая маленькое семейство свежим молочком, тихонько паслась на длинной привязи недалеко от дома, в полях. Там место людное, на виду у всех. Ни у Ивана, ни у Антонида не было даже мысли, что на козочку может свалиться такая беда. Всего четыре дня назад ей поменяли место выпаса, и Берёзка радостно, вольготно осваивала новую территорию, где был хороший травостой. Коза днями выхаживала, привязанная за верёвку к колышку, и бодро бляла. У Берёзки было хорошее настроение.

И вдруг посреди белого дня из леса выскочил волк, перегрыз козочке горло и потащил в лес. Проходившие невдалеке две женщины замахали руками, истошно испуганно загалдели и разбежались по сторонам. Крупного волка не остановила даже привязанная к колу верёвка. Он без труда вырвал кол из земли и утащил Берёзку в лес вместе с колом, правда, тот запутался в кустах ивняка и крепко застрял. Волку пришлось бросить козью тушку прямо у этих кустов. Там её и нашёл Иван.

Посидел он над своей козой и понял: она это! Опять она — Волчица! Почуяла, наверно, около козы его запах и снова начала мстить. Вот и пришла.

«Надо порешить её скорее, наделает ещё беды», — так решил он.

И дома тоже концерт. Антонида ревела белугой и топала ногами. Кричала Ивану, что он во всём виноват: «Если бы не жевал соплей, то давно бы угрохал эту суку». Жена почему-то сразу решила, что именно «та маманька — Волчица» режет их с Иваном скотину в отместку за своих зверёнышей:

— Мамка она, дак мамка и есь! Вот и грызёт в ответку.

А по ночам начала прямо-таки приплакивать:

— Убей ты, Ванька, гадюку ету! Сожрёт ведь нас с тобой! Знамо дело...

Иван и сам понимал: в лес теперь не сунешься — прикокнет. Ни грибины, ни ягодины не собрать. Навострился в город, в Архангельскую заготконтору. Вызнал, что капканы там имеются какие надо.

* * *

Сентябрь для волка время сытное. Под каждым кустом можно найти пищу. После весенне-летней благодати развелось в лесу всяческой живности. Молодые утки-несмышлёныши, птичья молодь глухарей, тетеревов, рябчиков, подрастающие кулички... Везде можно без труда подкормиться. Волчье племя разгуливает по лесам и полям — дремотное, с набитой сытью, с лоснящейся шкурой. В эту пору вчерашние птенцы, только-только встав на крыло, почуяв свободу, лёгкость и азарт первых полётов, начинают с восторгом осознавать, что они теперь самостоятельны, и бесшабашно носятся между кустов и деревьев. Они надеются, что в момент опасности их окрепшие крылья унесут их от любой беды.

Наша Волчица и не ищет их. Она просто трусцой пробегает по лесу и ловит носом запахи, распознаёт их множество на гигантских расстояниях. Вот останавливается и поднимает вверх морду. Что-то почуяла. Втягивает в ноздри воздух, замирает... Она словно отчётливо видит: в полукилометре от неё бродит по земле и шаркает по ветвям, траве пахучими молодыми крыльями тетеревиный выводок, народившийся этой весной и уже подросший. Он оставляет за собой запах — чрезвычайно нежный аромат свежего молодого мяса. И запах этот летит к ней, Самке...

Дальше всё очень просто. Волчица трусцой бежит на этот зовущий молодой аромат. Когда становится понятно, что молодые тетерева совсем близко, она ложится на землю и начинает подкрадываться. Осторожно поднимает из травы свою морду и выбирает того, который поближе. Она подкрадывается из-за куста или другого укрытия, из-за того, что ближе и надежнее... Секунду готовится к прыжку...

У молодого тетерева совсем нет шансов на спасение.

Белоухий сын Волчицы всё вырослел и очень стремился пойти с матерью на очередную охоту. Но Волчица не брала его с собой. У сына были пока что слабые ножки, чтобы бегать по лесным чащобам и преодолевать огромные расстояния, которые пробегала за охотничий день она, мать.

И волчонок иногда сутками сидел в логове один-одинёшенек, охотился на птичек и мышей, разглядывал небо и лес. Он набирался сил. Это были его последние дни спокойной и размеренной жизни вдвоём с матерью.

* * *

Иван выбирал капкан на складе заготконторы. Заведующая складом, давняя приятельница Печурина Нинель Шорникова, грубая и властная тётка, привыкшая иметь дело с далеко не интеллигентной публикой — охотниками, разговаривала с ним в своей манере:

— Ты, Ванька, будто лифчик жёнке своей подбираешь. Всё тебе не то да не это. Надёжны капканы, тебе говорю. А не веришь, дак сунь пальчик-то свой! Сунь, проверь, как оно работает. Или чего другое запихай. Сможь аль нет вытащить-то?

Нинель шурилась и широко улыбалась, довольная своей шуткой, демонстрировала крупные неровные, тронутые желтизной зубы. Иван понимал: это у неё от курева. И рад был поддержать старую знакомку в разухабистой трепотне:

— Чего-друго Тоне моей ешшо понадобится. А можа, и нам с тобой когда-никогда, Нинушка, всяко ведь бывает...

Иван хохотнул и маленько ушипнул Нинель за жирный бочок.

Он брал один за другим с полок капканы, трогал пружины, поглаживал скобы, интересовался:

— Нина, а с зубчиками имеются у тебя? А то вдруг не удержит?

Нинель хихикнула и глянула на Ивана не как на известного на всю область промысловика, а будто на малахольного начинающего прикурка.

— С зубчатой поверхностью скоб или, как ты говоришь, с зубчиками, имеются. Только на медведя они. Ты, Ваня, чего, на его пойдешь? Токо у тебя кишка тонка ишшо. Он тебя капканом этим с зубчиками по мордам-то и настучит, — опять хохотнула, шутит она так, складская душа. — Вот бери седьмой номер, в самый раз для волка. Вон Лаврентий Васильевич прошлый раз брал — поймал две штуки. Грит, хорошо сработал капкан. Аж медаль получил «За трудовую доблесть». За их и заработал, за волков.

— Лаврентий — бывалый мужик, а я первый раз капканами.

Иван взял пять штук. И Нинель, старая знакомка, его приободрила:

— Да не робей ты, Ванька! А поймашь, дак пол-литры неси! Посидим да посудачим...

И она улыбнулась Ивану Печурину добродушно и заманчиво, будто звала его в свои тайные складские тенеты, теплые, сокровенные уголки, скрытые от любопытных глаз. Хорошо улыбнулась...

Весь конец сентября и начало октября Иван искал место, куда бы поставить капканы. Он примерно знал уже, где обитает Волчица — в тёмном лесном углу Северьяновой Паленины, рядышком с Оксеньиным ручьем, где нет тропинок, куда почти не заходят люди.

Но это было всё, что Иван мог предполагать о местожительстве Волчицы. Где выставлять капканы в таких условиях? Требовалось понижение, где лежат её тропы, где она ходит? Необходимо был снег, первая пороша, когда все следы новые, когда можно читать карту следов свободно и точно.

* * *

Вовсю шагал по земле октябрь, но снега не было. И только к десятым числам начались первые утренние морозцы, схватившие ледяной корочкой лесные лужицы. Но не трогали они пока поверхность речек и ручьёв. Впрочем, и первый ледок всегда к полудню растворялся во всеобщей осенней размытости леса.

Первый снег выпал как раз на Покров, четырнадцатого октября. Облепил ватными

хлопьями дерева, ровными белоснежными покрывалами укрыл землю во всю её ширь.

Для Ивана Печурина это был праздник! С раннего утра он был готов к выходу в лес. Рюкзак с легкой провизией, едой на день, был заготовлен загодя. Знал он, что вот-вот природа подарит снег.

Рюкзак — в охапку, ружьё — с гвоздя, патронташ — на пояс. Патроны подобраны тоже загодя. Мелкая дробь — на птицу, картечь — на волка, ежели мишка на дороге встанет, для него — пожалуйста — пара круглых пуль припасена.

Кое-как рассветало, лес окрашивался в розовый цвет восходящего на востоке солнца. На всей белоснежной скатерти только что выпавшего снега постепенно вырисовывались следы птиц и зверья, гулявшего в лесу в ночное и утреннее время.

Первая пороша в лесной чашобе — это удивительная, увлекательнейшая книга для любого охотника. Иван всегда читал её упоенно, с великим наслаждением. Тут прыгала и лузгала сосновые шишки белка, здесь заяц петляет перед уходом на дневную спячку, там прошел степенным шагом крупный лось...

Волчьих следов нигде не было. Но тут, вблизи от деревни, он и не ожидал их увидеть. Иван шагнул в сторону Северьяновой Паленины.

Печурин зашел к Паленине со стороны дующего в лицо ветра, дальше пошел в этом направлении, внимательно разглядывая снежную скатерть, раскинувшуюся вокруг.

След Волчицы появился в самом центре Паленины. Она гигантскими махами гналась за лисицей. Иван не стал проверять, догнала ли, — развернулся и ушел домой. Дальше нельзя было шагнуть и оставлять свои запахи. Волчица не должна знать, что он был здесь.

То, что это был след именно той самой Самки, Печурин не сомневался: первоначальное логово, где Иртыш загрыз волчат, находилось отсюда не так уж далеко. У волков всегда запасное укрытие находится довольно близко от первого. Это для того, чтобы можно было быстрее перебраться волчат в случае опасности. Следы других волков здесь тоже исключены: Волчица безжалостно прогоняет всех, кто может повредить её детёнышам.

Он вернулся домой чрезвычайно довольный собой и результатами разведки, теперь знал, в какие места устанавливать капканы.

Иван подошёл к шкафчику, достал из него початую бутылку водки и налил половину граненого стакана. Выпил и крякнул. Закусывать не стал — не хотел заглушать радость. Занюхал хлебной корочкой.

А жена его Антонида, видя такое смелое поведение супруга, перечить ему не стала. Она поняла, что Иван крепко сегодня продвинулся в деле изжития со света этой проклятой вражины, окаянной Волчицы.

* * *

К постановке капкана Иван Печурин отнесся с необычайной для него, человека, не лишённого некоторого разгильдяйства, тщательностью. Он принёс с лесной окраинки наломанных можжевельных, рябиновых и берёзовых веток, положил их в большой котёл, налил воды и в костре на морском берегу всё это прокипятил. Получился густой, пахнущий лесом отвар. Потом в отвар этот уложил капканы, маскировочный халат, носки, перчатки и даже кепку. Долго опять кипятил эту амуницию. Так на одежде и на вещах уничтожается человеческий запах перед охотой на хитрое лесное зверьё.

На следующее утро дополнительно вытер тряпкой, вымоченной в том же растворе, ружьё и сапоги.

— Всё, — сказал он жене, — теперь, кажись, всё.

Антонида напоила его чаем и перекрестила.

Он положил в рюкзак завернутую в целлофан тушку ягнёнка, сдохшего по какой-то причине у соседей и выклянченного Иваном за невеликую плату — литровую бутылку браги, сладкую и ядрёную: Антонида слыла великой мастерицей по подпольному производству этого напитка.

Печурин направился в Северьянову Паленину.

Он подходил к месту осторожно и тихо, плавно переступая по лёгкой снежной замяти. Опять ему встретился волчий след. Иван решил дальше не ходить: есть угроза, что видимые на снегу человеческие следы, сам их рису-

нок, могут Волчицу спугнуть и она перестанет ходить по этим местам.

Иван выбрал место между двух небольших пригорков. Следы показывали, что в образовавшуюся узость проходит много обитателей леса. Был там и старый след крупного волка. Тут охотник и выставил капканы.

Посреди холмиков он слегка прикопал в снег трупик ягнёнка. Затем положил на землю и колёнками придавил капканы пружины, установил на боевой взвод. Деревянной лопаткой он на равном расстоянии от привады по кругу выкопал для каждого капкана ямки в снегу так, чтобы показалась трава: она будет перебивать все остальные запахи. Потом забил в землю вокруг привады три длинных штыря с «ушками» на концах, тоже побывавших в лесном отваре. Забил по самый дёрн и для крепости, и для маскировки. Прикрепил к «ушкам» стальные «карабины» с закреплёнными к ним концами тросиков, пристегнутых к капканым скобам. Иван знал, что это надёжная снасть. Ещё раз осмотрел поставленные капканы. Как будто всё нормально. Стоят!

Печурин достал принесённый с собой берёзовый веник и тщательно замёл свои наброды, аккуратно выровнял снег над капканами. Наклонился и посмотрел сбоку — нет ли бугорков? Знал он, что волки опасаются невесть откуда появившихся в их угодьях ямок и холмиков.

Уходя, оглянулся на свою работу и подумал: «Вот пускай она теперича не попадёт в мои капканчики! Попадёт, куды денечче!»

* * *

Волчица рыскала по лесу в поисках пропитания. Её волчонок давно уже грыз мясо и кости, но и не забывал высасывать из неё молоко. Это отнимало у матери силы. Для их восстановления требовалась пища.

Этот запах молодой овцы она почуяла издалека. Откуда он взялся в глухом лесу, в её охотничьих угодьях? Ей было всё равно, волки не спрашивают, откуда в лесу появляются звери и птицы. Им важно только одно: чтобы они появлялись, чтобы их было как можно боль-

ше. Волки нападают на всех появившихся, загрызают и поедают. В этом залог выживания лесного хищника.

Самка продвигалась против ветра, который доносил до неё этот чудесный запах ребёнка овцы, скоро вышла к небольшому мху, давно ей хорошо знакомому. Через недолгое время обнаружилась она и источник запаха: он исходил из-под снега и был совсем рядом — оставалось несколько шагов. Что-то отталкивало её от этого места, волчье чутьё предупреждало и подсказывало, что ей не следует близко подходить. Но голод был силён, а там, внутри, лежало что-то нежно-пахучее, что раздражало обоняние.

Волчица осторожно подкралась сбоку, внимательно и долго высматривала окрестности: нет ли где-то чего-нибудь настораживающего и опасного. Всё было как всегда. Тогда Волчица обошла заинтересовавшее её место по широкому кругу, обозрела окрестность в поисках враждебных следов и запахов и опять не нашла ничего, что бы могло представлять угрозу.

Она решилась! Волчица настороженно подошла к источнику запаха, ещё раз огляделась вокруг, постояла, послушала доносящиеся отовсюду лесные звуки и шагнула вперёд. Что-то оглушительно щёлкнуло у неё под правой передней лапой. Волчицу пронзила сильнейшая острая боль. Она со всей силы рванулась назад и услышала, как в лапе хрустнула кость. Лапа её оказалась как в тисках. Волчица извивалась в надежде высвободиться, каждое движение сопровождалось нестерпимой болью. Она лаяла и выла, кричала и плакала, грызла сталь капкана, зубы её крошились, но металл не поддавался.

Волчица долго сражалась за свою жизнь. Наконец она обессилела и упала в снег. Лежала на окровавленной, измятой снежной пороше измочаленная в неравной борьбе с человеческим орудием смерти — капканом. Из её глаз текли слёзы и растопляли мягкий снег возле головы. Наконец она с трудом поднялась на лапы. Искромсанная, израненная лапа не держала тела, всё подгибалась она и подгибалась. От этой боли Волчица теряла сознание, заваливалась на бок и падала.

Волки сражаются за свою жизнь до конца.

Она впиалась зубами в раненую лапу и, воя от боли, перегрызла её. Окровавленный конец с острыми когтями и мягкими подушечками остался лежать в снегу. Волчица, немилосердно страдая, влаивая от мучения, поковыляла на трёх лапах к своему логову.

Белоухий волчонок, сыночек, как всегда, приветствовал её радостным повизгиванием, звал поиграть, но мать не ответила ему лаской, а только с тяжелым стоном упала возле норы. Она так и не поднялась, долго вылизывала обрубок лапы. Пошло воспаление.

Сынок её, как мог, старался поддержать мать. Он охотился на грызунов — мышей и кротов. Однажды поймал белку, неосторожно заскочившую на его территорию. Трофеи белоухий приносил Волчице, но она едва-едва притрагивалась к еде.

Началось и усугублялось заражение крови, развилась гангрена. Наконец Волчица поняла, что ей осталось жить совсем недолго.

Все животные — и лесные, и домашние — знают срок своей смерти. Перед роковым часом они уходят от хозяев или диких сородичей в лесные тайные места или прячутся в укромных углах, скрытых от человеческих глаз. Волчица тоже поняла, что её час настал. Это случилось тёмной октябрьской ночью. Она с превеликим трудом поднялась на ноги, шатаясь, подошла к своему сыночку, лизнула на прощание его мордочку и оставила навсегда.

Волчица ушла недалеко — не смогла. Ковыляя на трёх лапах, неровно ступая, она перешла через Оксеньин ручей, потом — в глубь леса и наконец забилась в чащобу кустов, выстроившихся вдоль старой, заросшей травой пожни, занесённой снегом. Там и обрела последний приют совсем ещё не старая, хитрая и умная матёрая Волчица. Лес, старый добрый друг и защитник, снова, как и в детстве, дал ей прибежище и покой. На этот раз последний.

* * *

А Иван Печурин не находил себе места. Он ведь и вправду добыл матёрого волка — судя по размерам отгрызенной лапы, так оно и

было. И вот пожалуйста! Где он? Надо ж так, лапу себе отгрыз и где-то спрятался. Как найти? Три дня валил снег, лапу и ту еле нашёл. Взятся искать её лишь потому, что сработал капкан, а такой капкан зря не шелкает — что-то должно было остаться. Но что тут разыщешь в такой снежной замяти?

Жена Антонида выступала в своем духе — пилила и бурчала:

— Ничего-то, Ванька, доверить тебе нельзя, всё-то у тебя из рук упрыгиват. Волчицу и ту упустил, хошь и без ноги была. Ускакала от тебя без ноги, безрукого. Она собачку съела нашу, а ты упустил... Хошь бы деньги каки на ей заработал, дак нет!

Иван вяло сопротивлялся, возражал как мог, хотя против его жены это было бесполезно. Ты ей — слово, а она — пятнадцать, да все — в мишень, в десятку.

— А почему ты, Тоня, считаешь, что волчица была ето? Можя, волк какой проходной?

— Ну-ко, вспомни-ко, где Иртыш наш волчат-то сгрёб? Не в тех ли местах?

— Ну да, там...

— У их што, двадцать мамаш было разве? Одна и была. Она и ходила там, окаянна, рыскала. Тебе и попала...

* * *

Белоухий волчонок проснулся и не нашёл в логове мать. Поискал — нет её нигде!

В последнее время Волчица, сильно страдающая от боли, всё же была рядом с ним. Сын, как мог, ухаживал за ней, приносил пищу, которую мог добыть сам, вылизывал обрубок ноги. Волчица с трудом поднимала голову и в благодарность тоже лизала ему мордочку горячим сухим языком. Но сегодня она почему-то покинула его и пропала. Волчонку было страшно оставаться одному в холодном, сыром и тёмном лесу. Как и положено волкам, разыскивающим друг друга, он сделал вокруг логова большой круг и отыскал след своей матери, уходящий вдаль. Спотыкаясь, постоянно заваливаясь в рыхлый снег то на один бок, то на другой, он побрел по этому следу на по-

иски. Маленькие лапы не доставали до твёрдого грунта, и шагать было трудно. Материнский след привел его к широкой водной преграде. Здесь он бывал иногда раньше: мать приводила его в эти места, когда они гуляли по лесу. В те дни он был в безопасности. Теперь он остался один-одинёшенек. Кто подскажет, что же делать дальше?

След матери ушёл в воду и вёл на другой берег. Значит, и ему надо сделать то же самое.

И маленький волк ступил в воду.

Лапки его перестали доставать до дна, а плавать он не умел, оттого начал бесполезно молотить воду. Течение понесло его вниз. На повороте ручья волчонку удалось прибахаться к другому берегу. Его занесло в висящие над водой и плавающие ветви облепившего ручей ивняка.

В этих ветках он запутался и начал громко повизгивать, зовя мать на помощь. Так он возился, пока какая-то грубая сила не взяла его за шиворот и не бросила в тёмное тесное пространство, пахнущее страшными запахами врага всех волков — Человека.

* * *

Иван решил, что, в самом деле, надо бы поискать волчицу. Далеко уйти она не сможет — всё же без лапы осталась! Скорее всего, отлёживается в своём логове, зализывает рану, если не съела, конечно. Звери часто умирают в таких случаях от заражения крови.

Печурин пошёл на поиски.

Идти было легко, потому как во второй половине октября снегов выпало пока что мало. Тем более началась оттепель, выпавший на прошлой неделе снег малость уже подтаял, был рыхл и неглубок. Он скоро дошёл до места, где стоял капкан, постоял рядышком, поразмышлял, куда могла убраться искалеченная волчица. Решил искать где-нибудь возле ручья, где, по его предположению, находилось её укрытие. Пресная вода волкам тоже нужна, как и всем обитателям земли. Иван взял направление на ручей и примерно через полчаса вышел к нему. Оксеньин ручей, обычно шумный, поросший цветами и кустами, выглядел

сейчас умиротворённо. Он потихоньку бежал между поникших ветвей ивняка, с которых свисали комки мокрого снега. Вода в нем, окаймлённая темными осенними деревьями, отсвечивала сталью и свинцом.

След волчицы, появившийся со стороны леса, оказался перед ним настолько неожиданно, что Иван присел и, удивлённо вытаращив глаза, уставился на него. Даже пощупал мятины лап на снегу. Правда ли это она?

Да, она. Ковыляет на трёх лапах, шажки частые, даже очень. Значит, брела еле-еле, усталая и измученная.

Удивляться было чему: никогда к Ивану удача не приходила столь быстро. Он всегда долго разыскивал её, ходил, выслеживал, нащупывал, а она — ветреная девка — кочевряжилась вечно, отворачивала от него свою физиономию. А тут вот! Сама явилась!

Хорошие деньги он получит. А заодно и закрепит за собой славу знатного охотника. Добыть волчицу — мечта любого промысловика.

«Так тебе и надо! — размышлял Иван. — Это тебе за Иртыша». Он перезарядил двустволку на картечь с четырьмя нулями. «В самый раз», — подумал. Взял ружьё наизготовку и двинулся по следу.

Когда Волчица переходила ручей, течение отнесло её метра на три в сторону.

«Совсем слабая», — определил Печурин.

Он разогнул голенища болотников и перебрался на другой берег. Уже поднялся из воды, как услышал чьи-то всхлипывания.

«Ребёнок!» — первое, что пришло в голову. Какой ребёнок, откуда здесь?

И увидел: под самым берегом в кустах кто-то барахтался и громко повизгивал.

Держась одной рукой за основание куста, Иван спустился как мог низко к воде. Другой рукой пошарил в густых ветвях и наткнулся на что-то мягкое и шерстяное. В следующую секунду это существо больно цапнуло его за палец. Печурин вскрикнул от неожиданности, однако же выволоч из зарослей вполне уже не маленького мокрого серо-черного зверька, который грозно по-щенячьи рычал.

Иван выбрался на берег, поднялся на ноги и выставил перед собой находку, чтобы хоро-

шенько оглядеть. Перед ним во всей красе предстал волчонок, он скалил на своего спасителя острые зубки, норовил укусить и другой палец. Левое ухо у него было совершенно белое.

Иван не был на него сердит. Вместе с этим лютым малышом приплыла к нему ни с того ни с сего немалая денежка. В заготконторе волчонок идёт как взрослый волк. Поэтому Печурин подмигнул зверьку и растянул синие от прохлады губы в кривоватой улыбке, пробормотал почти ласково:

– Да ла-адно! Давай не крысься на меня, не крысься. А то вон кокну башку твою о приклад. Узнашь тогда...

Печурин развязал рюкзак свободной рукой, распахнул его верх и бросил в него волчонка. Тот сразу же затих. С ружьем в руках, с рюкзаком на плечах Иван двинулся дальше по слегка заметному следу волчицы. Размышлял он так: если у зверины этой сохранились какие-то силы, она сможет напасть в любой момент из любого куста или дерева. Волки не любят, когда их преследуют. Иван держал дробовик крепко, обеими руками перед собой, стволом вперёд. След вышел к большой лесной поляне, к густому кустарнику, протянувшемуся вдоль неё, свернул прямо в этот кустарник.

Всё это было опасно. Волчица вполне может прятаться в этой чащобе и выскочить неожиданно. Залегла или прошла ходом через кусты? Надо бы проверить.

Печурин свернул вправо от кустов, обходил их стороной. Пройдя метров сто пятьдесят, решил проверить, ушла ли отсюда Волчица. Или всё же легла, прячется? Иван пересёк линию кустарника, потом – вдоль него в обратную сторону. Выходного следа не было. Значит, лежит!

Печурин понимал: теперь волчица загнана в угол, будет до конца биться за свою жизнь. Сейчас она особенно страшна.

Держа приклад у плеча, взведя курки, он был готов стрелять в любую секунду. В таком положении потихоньку он двигался вдоль кустарника, внимательно высматривал все подозрительные места, бросал взгляд на каждое качание веток.

Внутри широкого, разлапистого можжевельного куста темнело что-то большое и серое.

Может, это она затаилась? Полушажками, трусцой, держа мушку ружья на сером утолщении, начал приближаться к нему. Подойдя метров на пятнадцать, разглядел: лежит большой серый зверь. мех его был всклокочен и растрёпан, колыхался на ветру.

Так-то вот! Лежащий зверь не может быть живым!

«Сдохла, зараза!» – возбуждённо прикинул Иван и стал приближаться увереннее. Когда оказался в трёх шагах, понял: Волчица действительно мертва. Вид её был страшен и теперь – полуоскаленная пасть, вывалившийся из-за длинных клыков сине-красный язык. Она лежала, вытянувшись на взбитом, смешанном с землёй снегу. Видно, билась в судорогах перед смертью.

Печурин стоял над ней и размышлял, что теперь делать. Как доставить домой такую тушу? Такую громадину одному не унести – килограммов шестьдесят весу. Лошадь с санями сюда не пройдет: лесная глушь, завалы, ручьи-овраги... Снять шкуру, что ли? Хотя волчица уже зачоченела, застыла и скрючилась на ночном морозе. Свежевать будет трудно.

Ну, трудно, не трудно, шкуру снимать надо! Отнести домой только её – это совсем другой вес. А в заготконторе шкура всегда идёт доказательством добычи самого зверя.

Тяжело далось Ивану Печурину это свежевание. Прилипшая к туше шкура отделялась с трудом, руки коченели. Неправильно резанул – и вот тебе прорез, минус денежки. Прокопался часа полтора. Свернул, как мог, аккуратно и компактно, засунул в рюкзак. Положил прямо на волчонка. А что ему сделается? В лесу он и не такое терпел.

* * *

Антонида встретила радостно:

– Ну, Ваня, всё! Наконец за ум мужик мой взялся. Таперича Люське обновки купим. Зиму девке в городе зимовать – надо, чтоб красавя была! Парня, может, сышшет путного под его дело. Надо же, два волка сразу!

Они пошли в сарай, половину которого за-

нимал сеновал, на другой — местами всяческий скарб, что в хозяйстве сгодиться может. На этой, наполовину пустой территории они стали доставать содержимое рюкзака.

Волчонок оказался почему-то на самом верху, прямо под завязкой. Каким-то образом вылез из-под шкуры. И, как только Иван развязал мешок и сунул внутрь руку, тот его опять цапанул. Только теперь за указательный палец. Иван взвыл: особенно неприятно, когда просовываешь куда-нибудь, в незнакомое место руку, а там, в потаённых углах, за палец хватают. Он выдернул руку и запрыгал перед Антонидой с вытаращенными глазами. Следом серо-чёрной тенью выпорхнул зверёк, как-то быстро сориентировался и шмыгнул под огородную тележку, что на двух колесах стояла в углу.

Иван заорал:

— Счас зашибу змеёныша! — и рванул за ним.

Он отшвырнул телегу в сторону. Волчонок тем временем забежал за борону, притулённую к стене, Печурин откинул и её. Но маленькая животинка кинулась ему под ноги, промелькнула между ними и спряталась за Антонидой, стоявшей у входа в сарай. Иван со свирепой физиономией бросился к жене, но та, захохотавшая и ни с того ни с сего разудалая, вдруг загородила волчонка и решительно заявила:

— Остынь, Ванька, ну-ко остынь! Озверел-то чё?

— Не вишь, палец он мне отгрыз!

— Да вон он твой палец. Кровит только. Подумашь, кровит!

И Антонида опрометчиво вознамерилась поднять щеночка на руки, но еле успела их отдернуть. Зубки зверёныша клацкнули прямо перед пальцами, а сам он рванул к противоположной стене и спрятался за листом фанеры, прислонённым к ней. Тут Иванова жена не рассердилась, а принялась опять хохотать.

— Вот шельма какая, надо же, шельма! — умилялась она.

Кто поймёт этих женщин? Сейчас так, а через секунду уже совсем по-другому. И деньги ей уже не нужны, и девка ихняя пускай без обновки ходит...

— Вот умора-то, Ванька! — воскликнула она.

— Больно шустрой он, етот парень! — и кате-

горически запретила мужу убивать волчонка.

— Ты, Тоня, в своём уме? — пытался образумить её Иван. — Хошь волка в дому держать, дак он тогда задаст тебе килограмм пряников. Нас с тобой и сожрёт первыми, гад. Хряпнет, да и всё!

— Давай уж подрастим маленько, а там и поглядим, чего из него завывлезат. Интересно ведь... Кокнуть-то всегда можно...

— Интересно ей! Чего из его вылезти может? Волчара и вылезет... Схамкат всех...

Потом, уже за чаем, супруги рассуждали.

— Антонида, как звать-то будем зверька етого? Будет жить с нами, дак и называть его надо будет кем-то.

— А давай назовем Белоушком. Видишь, Ваня, ухо белое у него одно.

На том и порешили.

* * *

Белоушко был совсем ещё мал, чтобы чего-нибудь понимать. Окружающий мир, до сей поры понятный и осмысленный, вдруг стал чужим и опасным. Предпринятые им попытки вернуть тот прежний мир не увенчались успехом. Исчезли все, с кем он начинал свою жизнь: его отец, братья, сёстры. Теперь вот бросила его и мама, с которой было всегда тепло, сытно и безопасно.

Поиски матери привели его в западню — волчонку стало совсем страшно. Сначала он едва не утонул, потом оказался в тесном и вонючем пространстве, из которого не было выхода. Волчонок попал в руки смертельного врага всех волков — человека, которого так боялись его родители. От него исходил тот самый ужасный из запахов. Все волки знают: близость человека означает гибель.

Его хитрости, умения и опыта в отсутствие матери не хватило для того, чтобы не попасть человеку в руки. Тот оказался умнее и проворнее и взял Белоушка в плен.

Когда он оказался в мешке, Белоушко обрадовался тому, что рядом был родной запах матери, а значит, безопасности. Он прятался в шерсти, которая навалилась на него сверху и придавила.

Он был рад этой громоздкой тяжести — словно мать вернулась к нему и оказалась рядом. Но вскоре к родному материнскому запаху примешался не прочувствованный сразу кровавой дух, удушливый... Запах матери и запах смерти смешались. Это напугало его, волчонку захотелось поскорее выбраться отсюда, убежать от страшного места, где находилась материнская смерть, уйти в родную стихию, в лес. Он стал изо всех сил барахтаться, пробираться наверх.

Белоушко был чрезвычайно напуган, когда люди освободили его из тесного и душного пространства. Он сразу понял, что они захотели убить его и поэтому гонялись за ним в незнакомом человеческом жилище, где совсем не было лесных запахов, а стоял чужой дух сухого дерева, залапанного человеческими руками, грязной сухой травы и замызганной кожи. Люди почему-то не убили его, а вынудили прятаться среди вонючих предметов.

В конце концов люди ушли и оставили Белоушка сидеть в укромном уголке — перепуганного, трясущегося от страха и одиночества.

Волчонок понимал, что его скоро убьют, потому что — о том знает волчье племя — основной задачей людей является убийство волков. Он сидел под старинными сломанными шалагами, пахнувшими древностью и кисловатым тряпьем, скулил всю ночь. Волчонок плакал от того, что рядом нет мамы, с которой не было бы так страшно и одиноко.

* * *

Ветер октября дул с деревьев последние самые живучие листья, цеплявшиеся за усыхающие ветви. Остатки улетающих на юг лесных птиц с жадностью, наперегонки друг с другом выклевали с рябин редкие пучки скукоженных от морозов ягод. Только никуда не торопящиеся лесные сороки-сойки бродили по кучкам опавших листьев, вороша их когтистыми лапками, — птицы выковыривали пригревшихся червяков и неуснувших жучков.

Лес опустел и затих. Лишь неунывающие бабарабанчики — пёстрые дятлы, словно соревнуясь друг с другом, выдалбливали на высохших

деревьях ритмические мелодии вступившей в свои права осени.

А затем пошли завывать по холодному поднебесью зимние ветра, протяжные и гулкие. Они трубили в высокие небесные трубы и кричали на весь белый свет, что принесли с собой синее небо и голубые длинные морозы. В лесу пошёл трескоток застывающих деревьев. Это взрывалась оставшаяся в стволах замерзающая вода.

Наконец с пришедшими холодами всё земное пространство покрылось зимними белыми одеждами. Прибрёл откуда-то и расселся посреди лесов, полей старичок в теплой шубке — Дедушка Мороз. Он всё подчинил себе.

* * *

Белоушко жил у Ивана и Антонида в хозяйском большом сарае. Первоначальные страхи от людей, от людского жилища у него мало-помалу ушли, и потихоньку он привык к новой жизни. Спал волчонок на старом ватном одеяле, сверху которого всегда лежала охапка сена, заботливо брошенная Антонидой. Спальное место было устроено в углу напротив входной двери. Это чтобы волчонок не продули сквозняки, вольготно проникающие сквозь дверные щели.

Хозяева его добротнo кормили. Еда приносилась со скотного двора — там всегда имелось мясо на выброс — падеж скота случается в любом большом хозяйстве. Белоушко быстро вырос и к восьми месяцам вытянулся во вполне оформившегося молодого волка. К себе он никого не подпускал, кроме Антонида. Та приходила в сарай, ставила ему миску с едой и потихоньку отходила в сторонку, садилась на стульчик и сидела-посиживала, поглядывая, как он ест.

Белоушко ел, потом садился рядом с миской и тоже глядел на хозяйку. В эти моменты Антонида начинала с ним разговор. Рассказывала о себе, о своих родных, о жизни, о том, какой у неё хороший супруг Иван Печурин.

— Не пьюшкой он почти шта, Ванька мой... Свезло мне, нечего сказать. А ты, Белоушко, зря с им не ладишь. Ты... ето... полюби его, как я, дак и будет промежду вами добро-то отно-

шеньё. Это ведь хорошо, когда по-доброму всё... А он, Иван-то, худого тебе не сде-елат!

Белоушко маленько переваливался с боку на бок, внимательно слушал и прядал длинными ушами. По всему было видно, что он уважал Антонида и признавал в ней хозяйку. Только ей он позволял приблизиться к себе, да и то не близко — метра на три-четыре. Если она перешагивала невидимую черту, он рычал и отскакивал в сторону. Но не кусался. Антонида его не боялась.

Ивана он не то чтобы невзлюбил — просто держал на расстоянии. А Иван и не пытался с ним любезничать, понимал, что Белоушко может и цапнуть. Волк — он волк и есть! Цацкаться не будет.

Однажды — уже в ноябре это было — волчок совершил попытку побега. Он сделал подкоп под стеной и выбрался на волю. Еле жив остался: на него тут же налетели деревенские собаки, которые без устали поочерёдно дежурили у сарая, из которого доносился волчий запах. Не дали убежать в лес, прижали к стенке, остервенело лаяли и хватили за бока, за лапы, грызли молодого волка. А тому — куда там отбиться от озверевшей собачьей стаи! Выжить бы в смертельной схватке. Собаки со всей деревни налетали с новой силой. Весь истрёпанный, покусанный, крепко побитый, волк еле успел нырнуть обратно в подкоп. Одна резвая собачонка в азарте бросилась за ним, сунулась под стенку... Но, как только морда оказалась внутри сарая, Белоушко буквально изгрыз её и пытался затащить собаку в сарай. Но собачонка напрягла все собачьи силы, уперлась лапами в стенку и в землю и уползла обратно. Из-за стены Белоушко долго слышал её жалобный вой.

На этот несусветный собачий лай и стоны прибежала из деревни Антонида. Палками разогнала собак и заскочила в сарай.

Белоушко лежал на полу весь в крови. Обесилевший, он позволил ей смазать и перевязать ему раны, смыть кровь. Лежал, стонал и не поднимал головы. После этого случая Антонида стала донимать мужа:

— Надо бы, Ваня, отпустить нашего волчика на волю.

— А чего, сдавать-то его не будем? — наивно поинтересовался муж.

— Куда ет сдавать?

— В заготконтору, куда... Сама ведь требовала: деньги нужны для дочки.

Антонида зачем-то пошла в угол и взяла в руку веник.

— Ты, Тоня, зачем ето? Зачем тебе?

— А я чичас по башке как настучу тебе этой метёлкой! Ты чего, Белоушка нашего убить хошь, дак я сама тебя прибью тогда! Ишь, чего вздумал!

С Антонидой ругаться — беда одна. Убить не убьёт, но рожу покалечит сильно. Это уж точно!

— Ну, не надо, дак и чего? Не надо, значит, и ладно... Как лучше я ведь хочу...

— Он как дитятко родно стал мне, понимаешь ты аль нет! Сиротиночка...

Потом, недели через две, раны у волчонка затянулись, и он совсем окреп, стал опять резв и силён. Иван с Антонидой последний раз накормили его и ранним утром, с первым проклюнувшимся на востоке светом, когда в деревне все спали и не лаяли собаки, они открыли дверь сарая.

Печурины стояли за дверьми рядышком, чуть дыша, а их волк Белоушко потихоньку, нерешительно, настороженно оглядываясь по сторонам, вышел из двери и замер. Наверное, он не верил людям, что его вот так запросто отпускают на свободу. Наверное, ждал какого-нибудь подвоха. Но всё было буднично и обычно. Рядом стояла Антонида, которой он доверял.

А впереди бескрайне простиралось пространство свободы, одетое в снежные цвета.

Белоушко сделал шаг в ту сторону. Оглянулся на людей, потом отвернулся в сторону леса, где его ждал целый мир, и наконец помчался туда, где жили предки.

Иван и Антонида сквозь сумрачную утреннюю хмарь разглядели, как на опушке, перед самым лесом Белоушко вдруг остановился и оглянулся. На них, на деревню, на свой сарай.

Он не мог ни видеть этого, ни слышать: Антонида в голос плакала, а Иван вытирал рукавом глаза.

* * *

Поначалу стая приняла нового молодого волка настороженно. Он появился неизве-

стно откуда и от него пахло человеком. Поэтому первое время волки запрещали ему общаться с членами стаи. Какое-то время Белоушко был изгоем. Волки изучали, как он себя поведёт.

А пришелец, наскучавшийся по сородичам за месяцы своего сиротства, был искренне дружелюбен со всеми. Заметив это, вожак однажды сам подошёл к новичку, постоял над ним, распластавшимся в покорной позе, и лизнул наконец чужака в голову. Это был сигнал для всех: он свой и теперь будет жить в стае.

Белоушко старался как мог. Вместе с сородичами загонял зайцев, лис и лосей, был на подмоге, когда волки нападали на деревенский домашний скот и на собак.

В волчьей большой семье ему нравилось: здесь царил порядок. Все волки беспрекословно подчинялись вожаку и его самке. Они наказывали провинившихся, но Белоушко всегда соблюдал установленные в стае правила, поддерживал сложившуюся среди волков иерархию.

Его невзлюбил один молодой сильный волк по имени Ловкий, который был на год постарше Белоушка. Удачливый, гордый и статный, он и в периоды волчьего гона, несмотря на молодость, не знал себе равных и успешно сражался за самок с матерыми членами семьи. Может быть, потому, что подруга Белоушка, длинноногая молодая волчица Гордячка, с самого начала слишком уж ласково стала относиться к нему и открыто демонстрировала привязанность к новичку. При всяком удобном случае она оказывала ему знаки внимания, нежно трепала загривок и ласково лизала морду. Серо-зелёные глаза её в такие минуты излучали любовь. Белоушко относился к таким ласкам добродушно, но ответных чувств не выражал, потому что откровенно боялся Ловкого. Тот неусыпно и ревниво наблюдал за всеми движениями Белоушка и злобно рычал, когда он начинал приближаться к Гордячке.

В те времена Белоушко был еще слаб и молод, чтобы вступать в схватку с двухгодовалым сильным и опытным драчуном.

А Ловкий однажды неожиданно напал на Белоушка, хотя тот ни в чем перед ним не провинился. Просто напал и все. Наверное, он хотел предупредить молодого волка, что у того нет никаких шансов по отношению к красавице

Гордячке. Тогда Ловкий сильно покусал Белоушка. От боли раненый передвигался по лесным просторам с трудом. Особенно болели лапы, которые Ловкий сильно погрыз острыми клыками. Белоушку оставалось лишь терпеть унижения от старшего, потому что он понимал: сейчас не его время — в прямой схватке Ловкий выйдет победителем.

Подходила к концу зима, с деревьев потекла вода, застучали первые капли. Волчья стая пережила зиму. Не обошлось без потерь: двух молодых самцов убили охотники на привадах, ещё один погиб в деревне, когда люди выстрелили в волка, задравшего домашнего пса.

Но в целом стая из девяти волков пережила суровую зиму сносно. Белоушко тоже выдержал все испытания и остался жив.

* * *

Лето и осень — благодатные сезоны для волков. Кругом обилие разнообразной еды. Сначала — кладки яиц боровой дичи, уток, гусей и лебедей. Волки быстро находят спрятанные в лесных зарослях, в чащобных канабрах гнёзда глухарей, тетеревов, рябчиков. Хищники хорошо умеют разыскивать и подкрадываться к сидящим на яйцах самкам и, как правило, съедают их вместе с яйцами. Лесные птицы не в силах дать отпор крупным противникам, поэтому обречены на гибель.

Так устроен лесной мир.

Единственные, кто среди птиц может сразиться с молодым волком, — это лебеди. Они бьются насмерть, защищая своё гнездо и птенцов. Эти сильные решительные птицы обладают сокрушительным ударом мощного клюва и крыльев. Прямой удар в нос — и любой волк теряет сознание.

Самая легкая добыча для волков в первую половину лета — лесной молодняк. Поэтому в летнюю благодатную пору волки сыты и в редких случаях нападают на пасущийся домашний скот — овец, коз, телят. А те, будто зная это, уходят далеко от пастбищ, забредают в дальние лесные углы, разгуливают по тенистым кулигам, где растёт самая сочная, густая и душистая трава.

Благодаря урокам матери Белоушко с первых месяцев жизни приобрёл надёжные навыки борьбы за существование. Давно уже умел он охотиться на зайчат и взрослых зайцев, лесных птиц, подкарауливать и внезапно нападать на кабанят.

Те обычно разбредаются по кустам вокруг своей матери свиньи и бестолково шумят, хрюкают, дерутся. Белоушко устраивал засады на пути их движения. Он залегал на дальнем расстоянии от выводка, в предполагаемой точке подхода свиньи со своими детёнышами... Когда стая приближается, какой-нибудь любопытный поросенок в поисках свежего, сладкого корешка обязательно просовывает свое рыльце с пятачковым носиком в тот куст, где засел хищник. И вот тут волку нельзя оплошать. Мать-кабаниха не должна услышать, как взвизгнул её поросенок в последнюю секунду жизни, поэтому смертоносная хватка хищника должна быть мгновенной. В противном случае у молодого волка будет мало шансов остаться в живых: страшные клыки-ножницы в отместку растерзают его. Кабанья мать чрезвычайно свирепа и защищает своих детей до конца, невзирая на любую опасность. Еще хуже, если поблизости от стаи окажется глава семейства — секач. Этот убивает всех, кто стоит на его дорожке или напал на стаю.

Минуло лето, затем пришла золотая пора. И вот опять холодными сквозняками поползли между деревьев промозглые ночные ветра — предвестники угрюмой осени. Украдкой, словно тёмные тати, крались они по нагретой за летнюю пору земле и исподтишка охладили её, остужали. Совсем обнаглевшие, начали кидать они в лесные углы первые горсти снежинок. Те, на первых порах робкие, поначалу превращались в водицу, едва коснувшись не остывшей земли, затем осмелели вдруг и раз за разом — снегопад за снегопадом — пошли приступом на холодный лес, засыпали его, покрыли мягкой, ослепительно белой перинкой, теперь уже не тающей.

Так всегда, из года в год, из века в век приходит в леса и доли матушка-зима.

Молодого волка Белоушка до сей поры миновали тяжелые беды и напасти. В стае он не

голодал, был удачлив в охоте, в поисках пищи, не получил непоправимых увечий в суровой волчьей жизни. Его миновали пули и картечь охотников.

Но для Белоушка, как и для всей стаи, подступающие холода не несли ничего хорошего: волки всегда тяжело, на напряжении всех сил переносят зиму. Стая готовилась к морозам: искала и обживала новые таёжные крепи, рыла лазы и норы в глухомани, где можно укрыться в моменты смертельной опасности.

Белоушко укрепил свои позиции в стае. Члены её ровно и уважительно к нему относились, потому что он всем демонстрировал дружелюбие и готовность прийти на помощь.

Но прежний враг у него остался. Это был Ловкий — взматеревший и сильный молодой волк. Он неизменно ревновал Белоушка к юной волчице Гордячке, которая не потеряла к нему интереса. И Ловкий, ревнуя, в отместку постоянно старался унижить Белоушка перед стаей: пытался испугать, рыкнуть на него.

Белоушко терпел: он младше, а в стае молодняку надлежит вести себя скромнее.

С наступившими холодами, метелями и морозами пришли голодные времена. Это вынудило волчью стаю много передвигаться в поисках пропитания.

* * *

Лосиная семья уходила от волков. Самец Лёвёл лосиху и сына-лосёнка по краю длинного мха в самый дальний его конец — туда, где путь пересекает река. Вода — извечное спасение лосей от волков. Те, коротконогие, не в силах противостоять длинноногим лосям. Там, где лось крепко стоит на дне, волк барахтается на глубине. В этих условиях лосям легче притапливать копытами волков и держать их под водой, пока те не перестанут дышать, затем их, обездвиженных, уносит прочь течение.

В это время начала зимы все реки уже стояли под прочной коркой льда. Но отец лосиного семейства знал, что за краем болота река ускоряет течение, там речной пережат. Лёд схватывает его лишь в самые лютые времена серёд-

ки зимы. А сейчас через неё можно перескочить и уйти от волков.

Оставалось совсем немного до спасительной воды, когда самый быстрый волк с белым ухом вклинился между лосихой и лосёнком. Детеныш от испуга отпрянул в сторону. Лосиха ринулась было ему на помощь, но тут на неё с оскаленными пастьями накинулись сразу несколько волков. Они оттеснили её в сторону, и скачущий по снегу лосёнок остался один. Его догнал белоухий волк, сделал мощный прыжок и прямо на бегу вцепился в горло, повис на шее. Лосиный детеныш под грузом тела волка замедлил бег, и на него смертельной лавиной ринулись остальные... Стая хищников сгрудилась около своей добычи. Снег около туши лосёнка окрасился в красный цвет.

Взрослые лоси добежали до спасительной реки без своего сына. И всем лосям, живущим в лесах Онежского полуострова, было особенно беспокойно в эту зиму. Много там развелось волков, которые, объединившись в группы, лютовали повсеместно и во многих глухих урочищах оставили следы своих пиршеств.

* * *

Январская ночь была самой обычной. С северо-востока задувал несильный, но ледяной ветерок. На чистом чёрном небе невинно помаргивали ясными светлыми глазками звёзды.

Деревня умиротворённо спала. Изредка, то ли спросонок, то ли потревоженная случайным звуком, взбалмошно взлаивала какая-нибудь глупая собачонка, — и опять улицы покрывались мягкой дремотной тишиной.

Вдруг в эту сонную зимнюю благодать ворвалась страшная суматоха. Со всех концов в деревню, словно банда отчаянных разбойников, ворвались волки. Целью их были, конечно, не люди: серые хищники остерегаются на них нападать. Они пришли сюда за собаками, вечными своими врагами. Те псы, что при появлении волков открыли оглашенный лай, первыми и попали в зубы хищников.

Волки загрызали их на улицах, в собачьих будках, вытаскивали из-под домов — хватали

на бегу, наседали и перегрызали загривки и позвоночники. Ни одна собака не смогла оказать достойного сопротивления. Разве может деревенская пустолайка противостоять более сильному, ловкому и умелому лесному бойцу, способному заваливать и кабана, и лося, и даже молодого быка?..

Один хозяин породистой лайки, услышав её до смерти перепуганный голос, выскочил в исподнем на крыльцо, но не успел спасти свою красавицу. Прямо на крыльце у него на глазах её задушил огромный волчара и уволок от дома в лесные ухороны.

И лесная, и деревенская живность сильно пострадала в тот год от волчьей напасти.

* * *

Главный охотовед района Терещенко был краток:

— Чего вы тут посиживаете, умники! Волки уж весь лес обчистили! Скоро ни зверя, ни птичины не оставят! А это же все объекты нашей с вами охоты! Чё спите-то, мужики? Али желаете, чтобы серый гад скотину из ваших же дворов повыдергал?

Терещенко, задёрганный упрёками партхозактивов и исполкома в «недостаточно активном участии в сокращении поголовья волчьего стада», приехал в деревню со всем своим штабом, собрал охотников близлежащих населённых пунктов и стоял сейчас в клубе за трибуной. Перед ним заманчиво поблескивали тусклыми гранями наполовину наполненный графин и пустой стакан.

— В деревнях беспрепятственно лютуют обнаглевшие хищники, самолучших собак пожрали засранцы! А охотнички, мать вас всех за ногу, спят преспокойно в постельках своих! — Терещенко всё же не удержался: торопливо плеснул в стакан воды и большими глотками выпил.

— А чё делать с имя, Никанорыч? — мрачно поинтересовался вечно хмурый лучший волчатник и медвежатник Некрасов. — Оне тебе не зайчатки, небось, — их хрен возьмёшь сейчас, в эту пору!

— А я к вам зачем приехал сюда, скажите мне на милость? — с удвоенной крепостью в голосе прогремел с трибуны Терещенко. — Потому и приехал, чтобы, значит, и организовать истребление волчьей породы на вверенной вам территории.

Мужики стали интересоваться как да чего.

— Флажки я привёз, — авторитетно заявил охотничий руководитель, — по-научному будем, так сказать, работать.

В воскресный день десяток добрых охотников, среди которых оказался и Иван Печурин, с самого спозаранку выдвинулся в район возможного нахождения волчьей стаи. Место это издревле называлось Шоровыми Угорьями, о нём в округе ходила нехорошая молва. Был район тот лесист и чёрен, возвышался над окружающей местностью угрюмыми горбатыми холмами, густо обросшими толстым корявым ельником. Ни одной лесины не ушло отсюда на полезное дело — на деревенскую стройку. Из кривых ёлок дома не строят. Да и просто, то есть по какой-нибудь другой хозяйской надобности, сельский народ совсем редко забредает в эти места. Нелюдимо тут и боязно, а тем более с осени грибники и рыбаки слышали в тех местах волчий вой.

— Там должны быть лёжки ихние! — решил Некрасов, и все с ним согласились.

Туда и пошли. Километра за полтора до Угорьев основная группа расселась под ёлками и затихла. Ни разговоров, ни курева. Терещенко, считай, перед каждым носом повертел немалым кулачищем. Ходил от охотника к охотнику, тихо-тихо похрустывая валенками по мягкому снежку, и приговаривал: «Расквашу самолично, ежели чего...»

Только зря он это. Никто и не собирался бедокурить в такой обстановке.

А два молодых и лёгких на ногу лыжника сделали круг, обежали Шоровы Угорья, где кой-кто редкий встречал ненароком волчьи лёжки. И нашли они входные звериные следы вовнутрь этого круга. Как и положено, туда вела тропа, натопанная многими волчьими лапами — волчья тропа! Выходных следов по всей округности лыжни разведчики не обна-

ружили. Значит, зверь там, внутри! Лежит-полёживается...

Охотники обошли вокруг Угорьев и развесили по кустам капроновую нить, на которой через каждые два с половиной метра покачивались ярко-красные флажки.

Терещенко собрал у оклада всех, и они с Некрасовым пошли с двух сторон вдоль флажков расставлять номера. Иван, надёжный проверенный стрелок, был поставлен на входном следе. Тут волки зашли в оклад. Все знали, что любой зверь в моменты опасности уходит от неё по своим же следам, поэтому с большой долей вероятности здесь волки и будут стремиться прорваться через флажки. Именно здесь!

Иван стоял и ёжился от мороза. Ветерок вроде бы не сильный гулял по ельнику, покачивал хвою. Гулял он и по Ивану, и скоро начал принимать нехитрую Иванову одёжку: свитерок да фуфайку, да две пары тонких штанов, напыленных друг на друга. Иван потихоньку околевал, стоял он за заснеженной ёлкой и отчаянно ругал самого себя за такую вот полоротость. С какой-то стати он зашпешил-заторопился, чтобы не подвести приезжее начальство, да вот и выскочил в лес считай что голым. Как салажонок!

В дальнем конце оклада запостукивали наконец палками о стволы деревьев. Пошел загон. И голоса самих загонщиков, поначалу трудноразличимые из-за ветерка, посвистывающего в верхушках деревьев и разбрасывающего по сторонам лесные звуки, становились отчетливее.

«Серые верно что на ногах уже, встрепенулись, шельмы, мечутся чичас... Прибегут скоро», — размышлял Иван. Он тоже встревожился и напрягся в предвкушении наплыва охотничьего азарта, который всегда посещал его в острые моменты. Выпрямился, держа ружьё наизготовку, застрелял тревожно глазами по стоящим впереди деревьям, по снежным прогалам между ними, стелющимся вдаль. Вглядывался он в окружающий лес, вслушивался: не прошуршат ли где лапinya ёлок, не упадет ли с веток снег от толчка пробегающего волка.

Всё было тихо.

Иван стоял, как и подобает, неподвижно, но бегала по телу его мелкая-мелкая дрожь — и от холода, и от охотничьего перевозбуждения. Да что там говорить! И от страха. Не шутка ведь — волки на тебя сейчас пойдут... А ружьё в такой холод может и не сработать.

Там, впереди, прокричала протяжно сойка — лесная сорока, вечная предательница зверья. Она-то, как всегда, и подаёт верный сигнал охотнику, что пробирается по лесу какой-то хищник и пора быть наизготовку. Сидит над ним, крадущимся по лесу, и обязательно уж прокричит что-то, выдающее его с потрохами.

Иван насторожился, выпрямился во весь рост и, приложив приклад к плечу, повернулся туда, где кричала птица.

Почти сразу из-за ёлки, что стояла в тридцати шагах, вышел волк. Некрупный, средних размеров, он сразу увидел флажки, растянутые перед Иваном, остановился, задрав голову, вытянулся. Резко выделялся зверь на снежной белизне чёрно-серым пятном.

Иван выстрелил в него. Волк подпрыгнул, потом завалился на бок и затих.

«Есть один!» — обрадовался Печурин. Но не пошёл к убитому волку. Старый, суровый, но правильный закон загонной охоты говорит, что ходить по загону не надо — напарники знают, где ты стоишь, и никогда в твою сторону не выстрелят, но, если с места сойдешь и начнёшь разгуливать, может произойти всё что угодно. Всякое бывало на загонных охотах... Да и запах свой разносить по лесу не надо. А загон пройдёт через тебя — тогда и гуляй как хочешь.

Справа, где-то вдоль флажков, стукнул дуплет. «Наверное, ещё взяли», — размышлял Иван, перезаряжая свою двустволку. Он постоял, разглядывая издали убитого волка, так и сяк разворачивая в уме цифру премии, за него полагающуюся. «Может, и хватит на обновку для дочери... на сапоги эти, едри их... Давно клянчит... Хватит, должно быть...»

И тут справа из-за деревьев показались сразу два волка. Тот, что впереди, был покрупнее заднего. Поджав хвосты, настороженно вглядываясь в окружающее пространство, они шли вдоль флажков, разглядывали их. Видно, что хотели вырваться из западни, в которой оказа-

лись. Волки рыскали по кустам, по лесу, передвигались перебежками и трусцой. Путь на волю перекрывали эти непонятные невесть откуда взявшиеся и болтающиеся на ветру предметы, опасные своей неизвестностью — в лесу таких нет. Хищники искали выход и не решались пересечь линию флажков.

Впереди идущий волк вдруг остановился и поглядел на Ивана, уже поднявшего ружьё. И вдруг сам шагнул в его сторону, но тут же остановился. Печурин, едва не успевший нажать на спусковой крючок, в последний момент разглядел белое пятно на волчьей голове. Белое ухо! Это же Белоушко! Их с Антонидой волк!

— Белоушко, брат ты мой! Надо же! — гортанным шёпотом прохрипел Иван.

Он сообразил, чего надо делать: кинулся к флажкам, посрывал с веток капроновый шнур, уронил его на снег вместе с красными четырёхугольниками. Сорвал шнур и со второго куста, и с третьего... Он метался и быстро затапывал флажки в снег. А волки стояли и смотрели на него. Только тот, который был позади, немножко отпрянул и настороженно-опасливо разглядывал Ивана, следил за его действиями. Этот волк, по всей видимости, очень боялся человека. А первый не боялся: он долго прожил в человеческом жилище. Он знал Ивана в лицо.

Печурин сделал для волков проход в линии флажков. Сам отошёл в сторонку.

Белоушко постоял, слегка покачиваясь вперёд-назад, как бы решаясь сделать шаг. Наконец сделал его, затем стремительно прыгнул вперёд — в устроенный Иваном коридор. На свободу! Его напарник, шедший позади, прыгнул за ним.

Иван Печурин стоял и глядел вслед убегающим волкам. А в загоне всюду гремели выстрелы: там шла охота.

Он долго, пока не вышли загонщики, зачищал следы своего «преступления». Повесил опять на ветки флажки, замёл можжевелевой веткой следы, чтобы не было видно, как он сбрасывал с кустов шнур с флажками.

Когда снимались номера, никто этого не заметил. Спросили только, как это он, такой опытный охотник, упустил из оклада двух волков. Отпечатки лап-то их не спрячешь.

— Да не поспел я, — сокрушенно сказывал Иван на ходу придуманную леденящую душу историю. — Они, черти, как выскочили из ивняка, да прямо на меня и лупанули. Упал со страху... Через меня скаканули, сволота! А опосля и через флажки — одним махом... Чего им! Как кони оне, здоровенны... Хорошо, не загрызли... А чего им с такими-то мордами! Морды-то у их во-о! Могли бы и загрызть, раз плюнуть...

И Иван распахивал ладони намного шире своей физиономии. Получалось, что волки с такими страшными мордами были в самом деле кровожадны и опасны. И добрый охотник Иван, подвергшийся нападению хищников, заслуживал всяческого уважения.

Конторский работник — колхозный бухгалтер Прибыткин, стоявший на соседнем номере, потом, уже в деревне, с горящими от азарта глазами рассказывал об этих двух волках:

— Первый-то, молодой, видно, уж больно наглый: из-за сосенки выскочил! Да прямо на меня, как людоед какой, человека не боится, засранец! Чуть с ног не сбил, я и оплошал, потому и стрелял кое-как с перепугу, промазал.

— Не откусил он тебе ничего, когда мимо скакал? Близёхонько ты его подпустил? — зубоскалили женочки.

Односельчане не могли знать, что промелькнувший рядом с Прибыткиным волк действительно мало боялся человека, ведь он рос рядом с ним.

Это и спасло Белоушке жизнь. Бежал бы он в отдалении, бухгалтер легко бы убил его.

* * *

Антонида была рада. Ой, как рада!

— Ушко-то бело у его? Да, значит, он это, он! Белоушко наш! — и интересовалась у Ивана, как выглядит волчок, выращенный ими. Не исхудал ли?

— Живой он, живой! Слава те осподи! — ходила она вокруг мужа и всё выспрашивала — каждую малость.

Женщина она и есть женщина. Хлопотуны они все как есть.

— А другой-то волк, которой ростиком поменьше, тот, наверно, самка будет... сука то есть, волчица она, — взволнованно рассуждал Иван, — значит, дружат оне... пара то есть... Н-дак, и хорошо это ведь. Вдвоём-то легче в лесу...

Антонида тему эту горячо поддерживала и в своих мыслях шла дальше:

— Да, они так и щенятко нарождают... волчаточков... Хорошо ведь!

Время от времени она прерывала беседу и куксилась: доставала из кармашка сарафана платочек, промокала глаза. Слёзы и в радости, и в печали были готовы выкатиться из зелёных Антониных глаз. Сейчас это были счастливые слёзки:

— Хоть бы уж пришёл к нам. Да показался, каков он есть? Не чужой всяко. Мы же скучам...

А Иван ей сказал:

— Ладно тебе! Чё, он маленькой какой? Всяко вырос уж, сам теперь знат, как да чего. Не пропадёт без нас. И не один он нонеча, вишь, полюбовница у его появилась. В рост пошел зверёк наш...

* * *

Из всей стаи после той охоты остались в живых только три волка: Ловкий, Белоушко и молодая волчица Гордячка.

Ловкий, прижатый загонщиками к флажкам, в последний момент в отчаянии перемахнул через страшную для волков линию, через человеческие следы, идущие вдоль них, и ушёл в лес. Вскоре он отыскал Белоушка и Гордячку и присоединился к ним.

С этого момента для Белоушка настали чёрные времена. Ловкий на правах старшего не подпускал его к Гордячке, хотя та сама стремилась к нему и, когда они хотя бы ненадолго оставались одни, нежно прижималась к нему и ласкалась. Гордячка искренне любила его. Но появлялся Ловкий — всё начиналось сначала. Он был на год старше Белоушка, поэтому бесцеремонно оттеснял его от самки. При первой же попытке соперника приблизиться к ней Ловкий страшно скалил зубы, демонстри-

руя готовность вцепиться в него крепкими клыками.

Приближался месяц март, время гона — волчьей любви. Молодая волчица долго не подавала признаков желания спариться. С любовными притязаниями к ней приставал Ловкий, но Гордячка отвергала его и скалила зубы. В такие моменты она подбегала к Белоушку, но на него тут же кидался Ловкий, и младший отступал, прижимая хвост.

Но однажды Ловкий решил овладеть Гордячкой силой: прыгнул на неё, подмял под себя. Волчица жалобно закричала и сделала попытку вырваться. Ловкий схватил её зубами за загривок и прижал к земле, причинив боль. Гордячка закричала ещё сильнее и по-звериному заплакала, всхлипывая и завывая.

Белоушко не в силах был вынести страдания подруги. Он сделал два больших прыжка и вцепился зубами в шею ненавистного противника. Тот не ожидал, что более молодой, а значит, беспрекословно подчиненный ему волк вдруг окажет столь яростное сопротивление. Он не учёл, что Белоушко, несмотря на молодость, сильно окреп в постоянной борьбе за существование. Мышцы его затвердели, челюсти налились силой, а клыки и зубы приобрели стальную мощь. Белоушко уже вырос, вытянулся в высокого и мощного зверя.

Кроме того, он очень любил свою Гордячку, а в природе всегда так: любовь самца к самке удваивает его силы. Тем более в этой схватке он был прав, потому что Гордячка сама стремилась к нему.

Ловкий извернулся и попытался вцепиться в горло Белоушка, но тот успел перенести удар своих челюстей на основание уха Ловкого и вцепился в него мёртвой хваткой, стиснул клыки и держал так их и держал, хотя Ловкий, мощно выворачивая тело, страшно выл. Он тряс головой, извивался и царапал когтями бока младшего соперника, визжал от боли, но поделаться ничего не мог. Ловкий лишь слышал треск своих рвущихся хрящей сквозь овладевшие телом смертельные судороги, ощущал, как выворачивается набок изломанное ухо. Тело его изнемогло в борьбе с преобладающей ловкостью молодого, безжа-

лостного бойца... Наконец силы почти совсем оставили его.

В этот момент Белоушко завалил соперника на бок и перебросил хватку челюстей на горло Ловкого, перевернул его на спину, начал душить. Тот захрипел, из пасти его начала вырываться кровавая пена. Вскоре он затих.

Белоушко не сразу разжал челюсти. Он дождался, когда у поверженного врага перестанет течь по жилам кровь. Волки умеют чувствовать это, убивая своих жертв.

Потом он отпрянул и долго стоял рядом, покачиваясь от усталости, пристально вглядываясь во врага: не шевелится ли он, не осталось ли признаков жизни.

Наконец он медленно подошел к своей волчице. И лапы его подкосились, он упал рядом с ней. Белоушко лежал на боку, тяжело и часто дышал. А Гордячка вылизывала его израненный в бою бок.

Теперь им никто не помешает быть вместе.

* * *

Иван с утра снарядился идти в лес. Зашёл сперва на поветь, забрал прислонённые к стене лыжи, снял с гвоздя рюкзак, в котором, как всегда, находились приготовленные загодя для лесных походов вещи: теплое бельё на случай, ежели доведётся промокнуть, запасные портянки, тёплые рукавицы, пара коробков спичек, аккуратно свёрнутый полиэтиленовый мешок под добычу. Печурин положил туда же матерчатый мешочек с едой на день охоты: два бутерброда со сливочным маслом, банка тушёнки, бутылка молока.

Он вышел на крыльцо. То, что увидел, поразило его до глубины души. Прямо перед ним, за порогом, лежал крупный заяц-беляк. Был он будто бы живой, только на шее красными жирными точками атели капельки застывшей крови.

Иван постоял, ничего не понимая. Откуда взялся на его крыльце этот здоровенный косой? Кто его сюда положил? Не сам же он прискакал сюда такой мёртвенький!

— Тоня! — позвал он громко. — Антонида!

— Чево там, чево? — откликнулась жена из глубины кухни.

— Подь-ко сюды! Не пойму я тут ничево!

Антонида пришла, завсплескивала руками, заойкала. Они стояли и удивлялись невесть откуда взявшемся трофею. Может, кто-то подложил или пошутил, может быть, дохлятина? Иван поднял зайца и всего обнюхал.

— Свежак! — заключил он авторитетно. — Сегодня затряхнул кто-то.

Он повернул к жене недоумённое лицо:

— Нам-то принесли зачем? Хотя спасибо, конечно... Тушёнку сделам...

— Ну-ко, Ваня, посидим с тобой да покумекам, — предложила жена. — Чевой-то тут не то.

Они уселись на ступеньки, поразмышляли. Антонида сомневалась, чтобы кто-нибудь из односельчан взял бы да и подарил им зайчика ни с того ни с сего.

— Все только урвать хочут, а подарков таких ни от кого не дождёсья, — говорила она задумчиво, покачала головой, потом вдруг махнула рукой и сказала решительно: — А я знаю, кто этот добрый человек, знаю.

Иван, муж, уставился на неё так, будто встретил вдруг незнакомого и загадочного человека:

— Ну и хто по-твоему?

Антонида не сказала вслух, она произнесла шёпотом, будто выдала важнейшую государственную тайну:

— Белоушко это нам приташил — вот хто!

— Как ето?.. Как ето Белоушко? — активно и в то же время радостно засомневался Иван. — Не может же такого быть-то! Чё, он сдурел, што ль, зайцев нам притаскивать?!

Впрочем, Печурину и самому очень хотелось, чтобы это случилось именно так. Тем более он давно зарёкся перечить жене, признавая её железную способность безошибочно, влёт разглядывать истину в любых запутанных делах.

— Но тут дело из ряда вон... При чём тут волк? Сам бы сожрал зайца — да и всё тут. За чем людям-то тащить?

— Ничего ты не понимаешь, Ваня, — объясняла ему жена. — Белоушко захотел спасибо нам сказать. Вот и приташил белячка.

— За што благодарить-то? Живём, да и всё! Давно уж отпустили его на волюшку.

— А ты забыл, что спас его недавно — из флажков выпустил?

Иван малость призадумался:

— А и в самом деле. Неужто волчик нас мяском порадовал свеженьким за эку малость?

— А ты и не знал! Все животинки спасибо людям сказывают, ежели оне добро дело для их делают. Вон у Серафимовны котик девять мышей на крилечко приташил. Прикусил их, да и склал к ей. Она пришла, а оне в рядок и лежат, мышки-то. Благодарность выказал, значит.

— А за что спасибо-то сказал?

— А она лечила его от заразы какой-то, да и вылечила.

— Надо же! Как люди оне...

Посидели они на крылечке, порассуждали. Антонида опять всплакнула:

— Как он там, в леси-то? Холодно ведь ему там, хо-олодно!

Вечером она сготовила жаркое из зайца. Ели и нахваливали. Выпили, конечно, по рюмочке, да и не по одной... Антонида, строго следившая за алкогольной диетой мужа после давних молодецких разгулов, тут раздобрела, расщедрилась:

— Давай-ко, Иванушко, кань ещё в рюмочку, за нашего родненького пригубим... чтоб тепло да хорошо ему жилось там, в леси, чтоб не обидел его никто...

Она промокала краешком подола мокрые глаза и приговаривала:

— Пришёл бы к нам-то, голубеюшко... Хоть я бы покормила его да полюбовалась бы на касатика.

* * *

Прошло три недели. В лесу, на полях и в самой деревне вовсю бушевал уже апрель месяц — с утренними морозцами, с настом, лежащим на снегах плотной коркой, с тёплыми ветрами, задувающими с летней стороны. Проклюнулись первые проталины, и лошади в конюшне, и коровы на скотном дворе, почуяв наплыв весны, начали голосить в своих обрыдлых стойлах. Стали они требовать отпустить их

на свободу, на волю-вольную, к свежей травке зелёной, чтобы размять уставшие от долгого стояния ноги. Антонида да Иванова корова Побрякушка тоже время от времени трубно мычала и громко переступала, нарочито сильно стучала по настилу копытами.

Сена по весне всегда не хватало, сколько ни заготовляй: Антонида не жалела его для нежно любимой Побрякушки. Они с ней ходили в подружках, только что не обнимались, а так дружба полная. Снег подтаял и обнажил основание сенного зарода, что стоял на краю огорода. Иван подошёл к нему проверить, не вытаял ли пук-другой сена — всё для коровёнки сгодится. Точно, вытаял! Сено в зародке закончилось, когда снега было ещё много, остатки убирала прямо из сугроба, и, как оказалось, под снегом сохранилось благошко сена — на целых две охапки. Иван нагрёб грабельками сенную захватку, обнял её, шагнул к хлеву и замер.

Услыхал он злобный лай двух деревенских собачонок. Увидел одну, выбежавшую на поле, которое одним боком касалось деревни, а другой стороной уходило к лесу. Собака аж подпрыгивала в злобе, глядя куда-то вдаль, но бежать туда не торопилась.

Посреди поля стояли два волка и глядели на деревню.

— Тоня! — закричал Иван. — Антонида!

В окошке избы белым пятном обозначилось лицо жены.

— Поглядь-ко, поглядь! — Иван физиономией своей показывал, куда надо смотреть: руки-то были заняты.

Та быстренько отлипла от стекла и в накинута на плечи фуфайке, в пимах на босу ногу выскочила на улицу. Оба — муж и жена — стали вглядываться в серые фигуры зверей, стоящих на поле и отчего-то не убегающих, хотя лаяли собаки и расхаживали по деревне люди.

Антонида долго вглядываться не стала:

— Наш!.. Это же наш Белоушко! — закричала она и бросилась в поле, к волкам.

Она будто не замечала, что пимы её, тапочки, черпают всю влажную грязь, что босые ноги облеплены мокрым весенним снегом. Фуфайка давно свалилась с плеч, и она несёт-

ся в одном сарафане с развевающимся на ветру фартуком. Антонида осознала только, что бежит к своему волку, которого полюбила искренне и который тоже её крепко любит.

Что было делать Ивану Печурину в этот момент, её мужу? Он тоже побежал.

Волки стояли, высоко подняв головы, будто поджидая людей, к которым они пришли. У одного из них ухо было белое.

Когда Иван и Антонида приблизились довольно близко — метров на шестьдесят, волки отпрянули назад, отбежали немного и опять остановились. Они как будто предупреждали, что ближе к ним приближаться нельзя. И опять стали внимательно смотреть на людей, высоко и гордо подняв головы.

Супруги тоже остановились, замерли на месте и тяжело дышали. Глядели друг на друга.

— Белоушко, родненький ты мой! Не убегай ты от меня ради Христа. Тяжело мне за тобой бегать. Постой, дай глянуть на тебя! Люблю ведь я тебя, сам это знашь. А я полюбоваться на тебя хочу, давно не видала, дак и соскучилась я.

Постояли, помолчали. Волки не уходили.

— Чего-то они хотят, — сказал Иван, — не просто же так пришли.

— Чую я, прошшаются оне с нами. Уходят, наверно... Насовсем уходят. Пришли досвиданье попросить, — сказала Антонида так и заплакала. Стояла и вытирала глаза кулаком.

А волки с минуту ещё постояли, развернулись к лесу и побежали туда трусцой. Впереди — Белоушко, за ним — его волчица Гордячка.

На обратную дорогу Иван снял с себя шерстяные носки и натянул их на заоченевшие красные ноги жены, на плечи ей накиннул свою куртку.

Весь путь домой Антонида проплакала. А иногда, как это бывает у женщин, смахивала с лица слёзы и вдруг говорила вполне радостно:

— А эта-та... подружка-та евонная... Она с им, с нашим голубеюшком! Не уходит! Страшно ей перед людьми стоять, а не уходит! Значит, любовь промежду имя! — она всплескивала руками и сказывала с большим убеждением: — Ну, а наш-то ей шшеночков-то и настрога-ат! — и, улыбаясь, тут же вновь пуская слезу, она звонко щебетала всю обратную дорогу.

А Иван брёл унылый и потерянный. Он почему-то осознал, что больше никогда уже не увидит волка, который стал для него таким близким. Дороже любой собаки.

* * *

Прошло два года. В урочищах огромного таёжного Мяндозера, спрятавшегося от людей в самой центровке Онежского полуострова, что на Белом море, давно уже обосновалась и живёт волчья стая. Входящие в стаю волки безраздельно господствуют на всем Летнем берегу. Они очень хитры и осторожны, эти волки. Совершив очередной набег, захватив добычу, они тут же уходят в свои тайные, скрытые от человеческих глаз лежбища. Никто не может выследить их, разыскать места обитания. Волки будто растворены в никому не ведомых пределах тёмных лесов, окраинах болот, между овражистых склонов чащобных логов.

Эта стая — неотделимая часть сокровенных древних лесов. Она никому не видна ни со стороны, ни с воздуха. Как будто её и нет.

Но она есть. Стая живёт, с каждым годом становится сильнее и опытнее. Волки приморских регионов слышаны о ней, все хо-

тят в неё попасть, но мало кому это удаётся, потому что в неё принимаются самые сильные, самые хитрые.

Стая неуязвима, ведь её вожаком является прошедший всевозможные испытания матёрый волк с белым ухом. Он знает повадки людей и всех зверей. Он любит лес, и лес любит его.

Этот вожак непобедим. Посреди холодных прозрачных зимних ночей он сидит на холме, окружённом старыми деревьями, глядит в звёздное небо и поёт небу и лесу свои длинные песни. Они о том, как любит и помнит он потерянных в далёкой юности отца, тоже вожака, и мать — Волчицу, родивших его и научивших преодолевать трудности. В этих песнях поётся о том, как он предан своему лесу, о нерушимой любви к братьям и сестрам — волкам.

И над Белоушком, как во все века над волками, бродит по тёмному небу Большая Медведица и похрустывает звёздной крошкой.

□

Павел Григорьевич КРЕНЕВ (ПОЗДЕЕВ)

родился и провел детство в деревне Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря.

Окончил Ленинградское Суворовское военное училище, факультет журналистики Ленинградского государственного университета, аспирантуру Академии безопасности России.

Кандидат юридических наук, член Союза писателей России.

Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе.

Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях,

являлся сотрудником Администрации Президента РФ,

был полномочным представителем Президента России в Архангельской области.

Лауреат всероссийских литературных премий.

